

О Ч Е Р К Ъ

ВОССТАНИЯ ДѢВЩЪ

ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ.

СОСТАВЛЕНО

Д. С. Фурсовымъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА

1858.

Печатать позволено, Санктпетербургъ. Октября 6 дня 1858 года.
Цензоръ *С. Палаузовъ.*

ОЧЕРКЪ ВОСПИТАНІЯ ДѢВИЦЪ ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(По поводу статьи г. Камкова, помѣщенной въ Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ за 1857 въ № 7-мъ, въ отдѣлѣ «*Внутренняя корреспонденція*».)

I.

Истинная цѣль воспитанія и противное ей на опытѣ. — Необходимость объясненія этого явленія изъ взаимнаго отношенія между воспитаніемъ и народомъ. — Знаемъ ли мы нашъ народъ и его воспитаніе? — Необходимость этого знанія для распространенія истиннаго образованія въ народѣ и историко-статистическіе очерки, какъ средство, содѣйствующее достиженію этого знанія. — Характеръ, какой должны имѣть эти очерки. — Разборъ статьи г. Камкова (съ научной стороны и мнѣній его объ усовершенствованіи воспитанія дѣвицъ въ Россіи) «проекта о томъ, какіе предметы должны входить въ кругъ образованія дѣвицъ высшаго сословія.»

Статья г. Камкова, помѣщенная въ Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ за 1857 г., № VII-й, и имѣющая своимъ предметомъ нѣсколько свѣдѣній и мнѣній о воспитаніи дѣвицъ въ г. К-ни, привела насъ къ мысли написать тоже самое о Пермской губерніи.

Но прежде, нежели мы будемъ излагать состояніе обученія и воспитанія дѣвицъ въ упомянутой мѣстности, считаемъ не лишнимъ высказать нашъ взглядъ на то, какое мѣсто и какой характеръ должны имѣть въ кругу статей, разъясняющихъ поднятый нынѣ вопросъ о воспитаніи, всѣ очерки той или другой вѣтви воспитанія, въ томъ или другомъ мѣстѣ, а также коснуться нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ г. Камковымъ, мнѣній, имѣющихъ для насъ важность потому, что поборниками ихъ являются, вмѣстѣ съ авторомъ показанной статейки, очень многіе люди, которые подъчасъ берутъ на себя трудъ разсуждать о воспитаніи.

Большая часть появляющихся нынѣ статей о воспитаніи относится къ области теоріи этого дѣла; онѣ, какъ намъ кажется, содержатъ въ себѣ большею частію отвлеченныя идеи, нерѣдко чистыя и святыя по своему существу, но приложеніе которыхъ къ дѣлу составляетъ неразрѣшимый еще вполне вопросъ. Такъ всегда вездѣ

воспитаніе имѣло и имѣеть своимъ девизомъ «образовать умъ и сердце человѣка»—цѣль высокая, а на дѣлѣ выходило, что подъ щитомъ этой великой идеи скрывались другія цѣли, иногда совершенно противорѣчащія понятію объ образованіи ума и сердца. Такъ хоть бы и у насъ нынѣ на Руси: пріѣзжаетъ въ извѣстный городъ молодой учитель или учительница, исполненные благороднѣйшихъ стремленій приложить на служебномъ своемъ поприщѣ всѣ тѣ идеи о воспитаніи, которыя вынесли изъ педагогическаго заведенія; имъ поручаютъ чадолюбивые родители обученіе, а часто и воспитаніе своихъ дѣтей съ предварительнымъ объясненіемъ въ родѣ слѣдующаго: «постарайтесь, сударь или сударыня, образовать нашего сына; намъ желательно, чтобы наши дѣти вышли людьми съ образованнымъ умомъ и просвѣщеннымъ сердцемъ.» — Прекрасно! думаютъ педагоги; значить, мы сойдемся, будетъ толкъ, когда родители такого благороднаго образа мыслей о воспитаніи. Воспитаніе кончается; результатъ его однакожъ выходитъ далеко несоотвѣтствующимъ тѣмъ желаніямъ и тѣмъ ожиданіямъ, которыя имѣли воспитатели при началѣ его; напротивъ, воспитанники ихъ, поступивъ на службу, преспокойно берутъ взятки, гнетутъ низшихъ себя, подличая въ тоже самое время предъ высшими, а воспитанницы, выходя замужъ, весь свой образованный умъ и облагороженное сердце обнаруживаютъ въ умѣнн одѣться къ лицу, перецеголять другихъ, казаться кстати веселой, печальной и съ христіанскимъ, по ихъ мнѣнію, смиреніемъ сожалѣть во всеуслышаніе о часто вовсе небывалыхъ проступкахъ и недостаткахъ своихъ ближнихъ. Случается и наоборотъ: родители, впрочемъ это бываетъ рѣдко, употребляютъ съ своей стороны всѣ усилія, не жалѣютъ ничего, чтобы дать своимъ дѣтямъ надлежащее образование; воспитаніе кажись совершается, какъ слѣдуетъ, подъ неусыпнымъ надзоромъ благородныхъ и образованныхъ родителей, слѣдящихъ за современностію, а въ итогѣ по окончаніи его выходитъ, что сынъ—формалистъ или педантъ, или мечтатель, или человѣкъ ничѣмъ недовольный, а дочь, научившись всему, благородная въ душѣ, является какииъ-то страннымъ феноменомъ, драпируется въ возвышенныя

чувства, отвергая иногда принятые обычаи; словомъ, дѣйствуетъ какъ многія героини Жоржъ-Сандъ. Все это бываетъ сплошь да рядомъ. Отъ чего же, спрашивается, благородныя стремленія вождей на пути воспитанія примѣнить къ дѣлу высокія и чистыя педагогическія идеи у насъ, на Руси, оказываются часто безплодными? Отъ чего, не смотря на то, что всѣ уставы нашихъ учебныхъ заведеній проникнуты высочайшими христіанскими цѣлями и стремленіями, отъ чего изъ этихъ заведеній выходятъ часто далеко не тѣ люди, какихъ бы желало имѣть правительство? Отъ чего стремленія нѣкоторыхъ благородныхъ родителей дать истинное воспитаніе своимъ дѣтямъ часто не сопровождаются желанными результатами? Отвѣтъ на эти вопросы, заставлявшіе задумываться не одного размышляющаго человѣка и тѣмъ самымъ конечно вызвавшіе нынѣ педагогическое движеніе, — мы будемъ имѣть, когда представимъ себѣ то отношеніе, какое существуетъ между воспитаніемъ въ обширномъ его смыслѣ и народомъ или обществомъ.

Намъ кажется, что поднятый у насъ въ настоящее время вопросъ о воспитаніи есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о состояніи и внутреннемъ бытѣ нашего народа и общества. Характеръ школы у извѣстнаго народа въ данное время, ея уставы, ея духъ, направленіе домашняго воспитанія даютъ знать о направленіи жизни этого народа, о тѣхъ свѣтлыхъ сторонахъ, которыя онъ стремится развить въ себѣ, и о тѣхъ внутреннихъ недугахъ, которые давятъ его существованіе и отъ которыхъ онъ силится освободиться. Школа и народъ, общество и воспитаніе взаимно дѣйствуютъ другъ на друга: и язвы общественныя, и поворотъ народной жизни къ лучшему тотчасъ же прокладываютъ себѣ дорогу и въ школу, и въ классную комнату дѣтей отца семейства; и, съ другой стороны, тотъ скромный, не ослѣпляющій своимъ блескомъ, но благотельный свѣтъ, который теплится въ школѣ, не смотря на то, что кругомъ можетъ-быть тьма, и который, рачительно поддерживается и мало-по-малу усиливается подъ страдальческою рукою вождей этой школы, — разливается незамѣтно по темнымъ закоулкамъ мысли и сердца народа; словомъ, школа также вноситъ

въ народъ новыя идеи, даетъ ему новыя силы. Только тогда, когда машина народной жизни совершенно ослабнетъ въ своихъ частяхъ, т. е. когда всѣ элементы, составляющіе народную жизнь, пойдутъ врознь, — тогда школа и все воспитаніе вообще послѣ недолгаго, хотя, можетъ быть, энергическаго сопротивленія, страдательно поддаются общему потоку разрушенія, и тогда свѣтъ ихъ, который прежде и во тьмѣ свѣтился и который не могъ быть поглещенъ мракомъ, гаснетъ, или переходитъ въ жизнь здороваго народа, чтобы тамъ зажечься яркою полосою.

Всѣ эти общія положенія объ отношеніи воспитанія къ жизни народной можно бы было подтвердить исторіею какого угодно народа.

Но мы ихъ къ тому привели, что если дѣйствительно существуетъ такая тѣсная связь между воспитаніемъ и народомъ, то препятствія къ осуществленію педагогическихъ идеаловъ при воспитаніи русскихъ не кроются ли болѣе въ самомъ русскомъ обществѣ, чѣмъ въ мѣстахъ, которыми педагогика вооружается для ихъ осуществленія?

Сдается, что на эти сомнѣнія нужно дать отвѣтъ утвердительный.

Послѣ этого понятно, что для того, чтобы высокіе идеалы, давно уже созданные и создаваемые нынѣ передовыми людьми въ дѣлѣ народнаго русскаго воспитанія, не оставались идеалами только, а становились по возможности дѣйствительными образами, — нужно знать сначала не только идеи о воспитаніи, но и русскій народъ, при воспитаніи котораго хотять приложить эти идеи, все его хорошее и дурное, знать, что изъ его жизни вторглось въ школу, и что школа сама внести можетъ въ его жизнь; словомъ, нужно разъяснить наше воспитаніе въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, а равно и его отношеніе къ жизни нашего народа. Потому что педагогика по отношенію къ душевной сторонѣ народа есть тоже, что медицина по отношенію къ тѣлесной. Но можно ли съ успѣхомъ лечить, когда не увѣренъ въ своемъ искусствѣ, къ тому же не знаешь существа болѣзни лечимаго субъекта? Какъ же намъ воспитывать народъ, когда мы, кромѣ того, что шатки въ вѣдѣніи этого дѣла,

еще не знаемъ на что обратить, куда направить и извѣстное намъ въ этомъ дѣлѣ?

Ибо знаемъ ли мы жизнь нашего народа въ различныхъ его мѣстностяхъ и слояхъ? Не часто ли случается, что очень многіе, говоря о жизни русскаго народа, или безусловно хвалятъ ее и по-китайски топчаты въ грязь все иноземное, или поступаютъ наоборотъ совершенно? Намъ не-разъ случалось видѣть свирѣпое озлобленіе нѣкоторыхъ особъ противъ другихъ, имѣвшихъ дерзость находить, что въ другихъ государствахъ такая-то отрасль народной жизни болѣе и лучше развита, чѣмъ у насъ. Знаемъ ли мы, какими нашъ народъ страдаетъ недугами, противъ которыхъ нужно дѣйствовать непосредственно воспитанію? Съ другой стороны, знаемъ ли мы учебно-воспитательную часть у насъ въ Россіи въ историческомъ ея развитіи и въ современномъ ея состояніи, въ различныхъ концахъ нашего отечества? Всѣмъ ли извѣстны разнообразныя положенія, которыя выходили изъ-подъ рукъ начальства для разъясненія уставовъ тѣхъ или другихъ учебныхъ заведеній, и извѣстны ли обстоятельства, которыя вызывали то или другое положеніе?

Кто же намъ скажетъ обо всемъ этомъ? А безъ знанія всего этого, какія ни создавай воспитательные идеалы, какія ни придумывай средства къ ихъ осуществленію, какіе ни преподавай предметы, какъ строго ни смотри за нравственностію, всегда ошибешься, всегда будешь себѣ противорѣчить, постоянно будешь перемѣнять руководства, составъ учебныхъ предметовъ, мѣры относительно нравственнаго образованія, доколѣ, можетъ быть, долгимъ и притомъ горькимъ опытомъ не постигнешь, что въ этомъ дѣлѣ нужно предпринять, какъ взяться за него. Такъ кто же намъ скажетъ обо всемъ этомъ, чтобы мы разумнѣе и съ пользою могли примѣнить къ дѣлу педагогическіе идеалы, основанные на ученіи Спасителя, и чтобы свѣтъ этого ученія не былъ обьятъ тьмою..?

Этому горю, намъ кажется, въ состояніи помочь именно тѣ очерки, которые имѣютъ своимъ содержаніемъ воспитаніе или отдѣльную его вѣтвь въ той или другой мѣстности Россіи; сюда могутъ относиться также историческіе очерки учебныхъ заве-

деній, біографіи различныхъ дѣятелей на поприщѣ воспитанія, даже повѣсти, гдѣ бы только около вымышленнаго типа группировались истинные факты, вполне согласные съ дѣйствительностію, записки и замѣтки учителей, воспитателей и всѣхъ, кто неравнодушенъ къ дѣлу общественнаго воспитанія.

Само собою разумѣется, что всѣ эти очерки, которые мы назовемъ историко-статистическимъ отдѣломъ, должны быть не простымъ изложеніемъ нѣсколькихъ фактовъ, чѣмъ бываетъ обыкновенно большая часть официальныхъ отчетовъ, но въ нихъ должно быть показано отношеніе этихъ фактовъ къ обществу, среди котораго случились, и по времени, когда случились.

Къ этому отдѣлу принадлежитъ небольшая статья г. Камкова. Г. Камковъ взялъ предметомъ для нея весьма важную вѣтвь воспитанія въ своемъ краю, — именно воспитаніе дѣвицъ. Онъ, какъ самъ говоритъ, представляетъ нѣсколько свѣдѣній и мнѣній объ этомъ предметѣ. Хотя и кратки сообщаемыя г. Камковымъ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, хотя факты представлены имъ безъ малѣйшаго почти показанія отношенія ихъ къ обществу, хотя по этому читатель и не уяснитъ себѣ причины этихъ фактовъ: все же подобныя замѣтки имѣютъ свое значеніе въ нашей педагогической литературѣ; онъ, кромѣ того что представляютъ нѣсколько данныхъ, — показываютъ, что на Руси водятся люди, которые, если вполне и не видятъ недостатковъ въ русскомъ воспитаніи, то по-крайней-мѣрѣ чувствуютъ ихъ и всегда, слѣдовательно, будутъ способны къ слышанію голоса истинныхъ мнѣній объ этомъ дѣлѣ.

Однакожъ, намъ кажется, г. Камковъ могъ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о сказанномъ предметѣ; на примѣръ, говоря объ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія, онъ ничего не сказалъ о времени открытія этого заведенія, объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ это открытіе, о матеріальныхъ средствахъ этого училища, о званіи и степени образованія учителей и воспитателей въ этомъ заведеніи, и о другихъ подобныхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ привести къ нелишнему интересу заключеніямъ, и свѣдѣнія о которыхъ собрать не великая трудность; вообще г. Камковъ представилъ это дѣло такъ, что мы

никакимъ образомъ не можемъ представить себѣ физіономіи этого заведенія. Равнымъ образомъ для насъ остаются во мракѣ характеръ и устройство Института благородныхъ дѣвицъ и двухъ пансіоновъ; потому что фраза «этотъ институтъ и пансіонъ подходятъ подъ общую мѣрку подобныхъ учрежденій,» еще мало объясняетъ дѣло. Г. Камковъ удобно могъ по-крайней-мѣрѣ знать и, слѣдовательно, сказать, что за люди, которые тамъ учатъ и воспитываютъ.

Что касается до мнѣній г. Камкова о воспитаніи дѣвицъ въ Россіи вообще, въ г. К--ни въ особенности, то вполне раздѣляя ту мысль, что у насъ въ Россіи воспитаніе дѣвицъ имѣетъ много недостатковъ и что для лучшаго образованія общества необходимо преобразование женскаго воспитанія, мы не сходимся съ нимъ въ воззрѣніяхъ на способы достиженія этой послѣдней цѣли. Г. Камковъ полагаетъ достигнуть этой послѣдней цѣли, т. е., преобразования воспитанія женскаго—преобразованиемъ женскаго воспитанія въ высшемъ классѣ нашего народа; этому, по его мнѣнію, могутъ содѣйствовать педагогическіе журналы составленіемъ программъ. За тѣмъ г. Камковъ предлагаетъ свое мнѣніе о томъ, какіе предметы должны входить въ кругъ образованія дѣвицъ высшаго сословія.

Нѣтъ сомнѣнія, что низшія сословія стараются до нѣкоторой степени подражать во многомъ, а слѣдовательно, и въ дѣлѣ воспитанія высшему. Но, во-первыхъ, въ чемъ низшія подражаютъ высшему сословію? Они заимствуютъ у аристократіи одну только форму, которая, имѣя въ кругу высшаго сословія свой историческій смыслъ, у низшихъ является почти безъ всякаго содержанія, а потому становится похожимъ на обезьянство, смѣшнымъ. Развѣ люди, поставленные судьбою въ низшіе слои народа, ужь такъ обдѣлены природой, что не въ состояніи никогда замѣтить свое смѣшное положеніе, свое обезьянство, если только люди высшаго класса не бросятъ того, въ чемъ имъ подражаютъ?

Научите хорошенько, воспитайте, какъ слѣдуетъ, дѣвицъ низшихъ слоевъ народа, — и, намъ кажется, онѣ не будутъ стараться заводить собачекъ, ни ковровъ для нихъ, не будутъ

заботиться о возможно-большемъ утонченіи талии и о прочемъ подобномъ, что только ими заимствуется нынѣ; образуйте изъ нихъ хорошихъ женъ, которыя бы, любя своихъ мужей, заботились объ интересахъ семейства, умныхъ и здоровыхъ матерей, которыя бы давали государству и физически и нравственно здоровыхъ дѣтей; которыя бы, заботясь лично по возможности, а не посредствомъ кормилицъ, нянекъ, горничныхъ и лакеевъ, о здоровьѣ своихъ дѣтей, внушали имъ не словомъ только, но и примѣромъ собственнымъ понятія объ истинѣ, о настоящей, а не мишурной красотѣ, о благѣ, необходимости трудиться; чтобы дѣти ихъ, возмужавъ, въ состояніи были смотрѣть на окружающее ихъ съ истинной точки зрѣнія, а не принятой модѣ или предразсудкамъ; чтобы не лгали и не обманывали другихъ; чтобы сердце ихъ не истощалось на изліяніе предъ внѣшней, часто горькое разочарованіе приносящей красотой; чтобы любя самихъ себя, способны были уважать члвческія цѣли и права другихъ, даже меньшихъ нашихъ братьевъ, трудиться не для себя только, но и для общества, не изъ корысти, не изъ угрозы, но съ сознаниемъ святости своего дѣла; научите всему этому тѣмъ или другимъ способомъ дѣвицъ низшихъ сословій,—и живое, благотворное направленіе, выбившееся изъ-внутри большинства, проложитъ себѣ дорогу въ маленькую среду, именуемую высшимъ сословіемъ, или аристократіею. Это положеніе находитъ себѣ оправданіе въ исторіи, тогда какъ существующее у весьма многихъ мнѣніе, что стѣбитъ только преобразовать жизнь высшаго класса народа, и остальные сословія, вслѣдствіе подражанія аристократіи, сами собою незамѣтно пойдутъ къ лучшему, едва ли справедливо; по-крайней-мѣрѣ не подтверждается въ исторіи ничѣмъ. Всякое новое, животворное направленіе мысли и чувства народа всегда выходило изъ среды не высшаго класса, а изъ массы народной. Въ Афинахъ стройное образованіе было результатомъ стремленій не пэдіевъ или аристократіи, а низшаго класса гражданъ; развитіе права въ Римѣ было слѣдствіемъ оппозиціи плебеевъ противъ патриціевъ; идеи Спасителя суждено было приложить къ дѣлу въ жизни и воспитаніи послед-

нимъ міра сего; движеніе послѣднихъ вѣковъ средней исторіи, или возрожденіе въ Италіи и другихъ земляхъ Европы наукъ и искусствъ, которыя долго были скованы формами схоластики, вышло тоже не изъ среды высшаго класса народа, а высшій классъ самъ поддался новому, лучшему направленію; возьмите исторію какого угодно отдѣльнаго народа, на примѣръ, англичанъ, французовъ, — и вы найдете, что всѣ новыя идеи и вслѣдствіе ихъ перевороты въ направленіи народной жизни, а отсюда и воспитанія, имѣвшіе благодѣтельное вліяніе на прогрессъ народа и составляющіе высокое обще-историческое значеніе, выходили изъ среды низшихъ сословій. Великое значеніе его въ жизни всякаго народа состоитъ въ томъ, что чрезъ него верховная власть разнообразныя элементы, долго находившіяся въ неустройствѣ, беспорядкѣ, броженіи и борьбѣ между собою, приводило къ единству, — и такимъ образомъ сплачивался остовъ государственнаго тѣла. Послѣ же того, какъ каждая сила народной жизни, находившаяся дотолѣ въ неустойчивости, заняла опредѣленное мѣсто въ составѣ государственной машины, — послѣ этого роль аристократіи въ великой драмѣ развитія народа сыграна; высшее сословіе послѣ этого только старается удержать исключительно за собою первое мѣсто, — и характеръ его дѣйствій и слѣд. воспитанія условливается характеромъ этого стремленія, всегда болѣе или менѣе тягостнаго для общаго хода народной жизни. Улучшеніе жизни и воспитанія низшихъ сословій можетъ произойти отъ ихъ подражанія быту высшаго сословія только въ томъ случаѣ, когда этотъ бытъ измѣненъ къ лучшему относительно народной жизни вообще, а такое измѣненіе быта высшаго сословія возможно только тогда, когда оно уступаетъ часть своихъ правъ, пріобрѣтенныхъ вслѣдствіе историческаго хода событій, на долю и другихъ. Но такъ какъ добровольной уступчивости своихъ правъ со стороны высшаго класса другимъ сословіямъ не бываетъ, и быть его, а потому и воспитаніе остаются въ сущности одни и тѣже, т. е. какъ мы сказали, опредѣляются характеромъ его стремленія удержать исключительно за собою первое мѣсто въ государствѣ: то улучшеніе жизни и воспита-

нія низшихъ сословіи, если происходитъ, то происходитъ изъ самой внутренности ихъ жизни по указанію верховной власти. Въ силу этихъ соображеній мы не полагаемъ, чтобы преобразование воспитанія дѣвицъ въ высшемъ классѣ нашего народа имѣло такіе благодѣтельные результаты и для воспитанія дѣвицъ другихъ сословіи, какихъ ожидаетъ г. Камковъ; потому что мы сомнѣваемся въ возможности этого преобразования безъ измѣненія отношеній высшаго класса къ другимъ сословіямъ.

Къ тому же, говоря о подражательности низшихъ сословіи высшему и объ имѣющемъ произойти отъ преобразования воспитанія дѣвицъ высшаго класса, вслѣдствіе этой подражательности, благодѣтельномъ вліяніи на воспитаніе нашихъ дѣвицъ вообще, г. Камковъ, мы полагаемъ, подъ высшимъ сословіемъ разумѣлъ высшее наше дворянство, т. е. кругъ людей, которые вмѣстѣ съ древнимъ знатымъ родомъ имѣютъ много душъ крестьянъ, а подъ низшими мелкопомѣстныхъ дворянъ, чиновниковъ, духовенство, купечество и отчасти мѣщанъ; потому что мы думаемъ, что только такого рода третье сословіе способно перенимать внѣшность у высшаго, что объясняется большею или меньшею общностію ихъ интересовъ съ интересами высшаго класса. Но мы недоумѣваемъ, куда относить г. Камковъ крестьянъ разныхъ категорій: государственныхъ, удѣльныхъ, приписныхъ, крѣпостныхъ. Можетъ быть онъ и ихъ разумѣетъ подъ низшимъ сословіемъ; но въ такомъ случаѣ желательно знать, гдѣ онъ нашелъ подражательность у этой массы высшему сословію въ жизни и воспитаніи и, особенно, гдѣ онъ открылъ подражательность въ дѣлѣ воспитанія дѣвицъ или, какъ нѣкоторые называютъ, дѣвокъ? Да и возможна ли для этой массы подражательность въ чемъ бы то ни было высшему сословію? Классъ крестьянъ никогда у насъ не подражалъ высшему сословію ни въ чемъ почти, особенно же въ дѣлѣ воспитанія дѣвицъ. Ни въ то время, когда дѣвицы высшаго тона сидѣли взаперти въ ожиданіи суженаго, ни въ то время, какъ бородинскія пушки нѣсколько разсыяли чадъ и пыль французской пудры, въ которой сидѣли наши большіе бары и барыни, ни въ настоящее время, словомъ, ни-

когда крестьянинъ не являлся подражателемъ высшему тону. Конечно отъ этого не произошло никакого измѣненія и въ воспитаніи крестьянской дѣвицы: большая часть изъ нихъ воспитывается подъ ферулою матери; отецъ въ это дѣло не вступаетъ; ему даже бываетъ непріятно, когда родится у него дочь, а не сынъ, на котораго онъ рассчитывалъ, какъ на работника. Согласно своему положенію, которое требуетъ той или другой подати, родители желаютъ, чтобы дочь ихъ была какъ можно здоровѣй и чтобы чрезъ то, достигнувъ совершеннolтiя, она была хорошей работницей. Средствомъ для этой цѣли считается на первыхъ порахъ жизни дѣвочки, равно какъ и мальчика, возможно-обильное кормленіе, отъ котораго дѣти часто, весьма скоро послѣ своего рожденія, отправляются на тотъ свѣтъ. Въ семь лѣтъ дѣвочка, уже знакомая со всѣми безотрадно-темными сторонами крестьянской жизни, нянчить своихъ братьевъ и сестеръ малютокъ. Съ этого же времени ее учатъ прясть, немного шить и помогать матери въ другихъ хозяйственныхъ работахъ. А о развитіи ума ея и чувства и рѣчи не можетъ быть: кругъ ея знаній ограничивается различными родами ворожбы, примѣтъ, гаданій, нѣсколькими хоро-водными, вѣнчальными и похоронными пѣснями и причитаньями и т. п. О религіи дѣвица имѣетъ весьма смутное понятіе, такъ что инья затрудняются объяснить, кто такой Иисусъ Христосъ. Всѣ ея удовольствія заключаются въ разныхъ играхъ, гдѣ дозволяется полная безцеремонность въ обращеніи между обоими полами. Правственное и эстетическое чувства заглушены монотонностію, застоємъ жизни и, кажется, неспособны возвыситься далѣе внѣшности, неспособны оцѣнить благо и доблесть, если они не проявляются въ дѣйствіяхъ, доступныхъ ея пониманію, и если не приносятъ ей матеріальной пользы; неспособны сочувствовать и прекрасному, если оно не выражается въ яркости и пестротѣ цвѣтовъ. Любовь къ отечеству обнаруживается въ ней развѣ въ томъ только, что всѣхъ нерусскихъ считаетъ погаными. Таково состояніе воспитанія крестьянской дѣвицы нынѣ, таково оно, очень вѣроятно, было и за 200 лѣтъ до настоящаго времени. Въ немъ нѣтъ и тѣни подражательности

высшему классу. Только горничныя, дворовые люди заражаются подражаніемъ, но большею частію на нравственную погибель себя. Да и возможно-ли подражаніе въ этомъ классѣ высшему сословію? Есть-ли хотя какая-нибудь общность интересовъ у того и другаго сословія, это необходимое условіе для подражанія? Гдѣ крестьянской дѣвицѣ гоняться за дочерью помѣщика, который можетъ располагать судьбою и ея, и родителей ея? Бары во мнѣніи крестьянъ особаго сорта люди, которые имѣютъ право иначе жить, и изъ жизни которыхъ что-нибудь заимствовать значитъ посягнуть нѣкоторымъ образомъ на ихъ права.

Слѣдовательно, если г. Камковъ подъ низшими сословіями разумѣетъ и крестьянъ, то онъ очень ошибся, думая, что преобразование воспитанія дѣвицъ высшаго класса будетъ имѣть благія слѣдствія и на остальные сословія. Если же онъ не разумѣлъ подъ низшими сословіями крестьянъ, то да позволить онъ намъ спросить его, что дѣлать съ этими милліонами людей? Въдѣ они не подражаютъ и не смѣютъ подражать высшему классу и, слѣдовательно, если предположить, что преобразование воспитанія дѣвицъ высшаго сословія будетъ имѣть благотѣльное вліяніе на другія сословія въ силу ихъ подражательности, то оно вовсе не произведетъ такого же вліянія на крестьянъ, — и они останутся въ прежнемъ невѣжествѣ. А въдѣ не худо бы было, еслибъ и русскій крестьянинъ сдѣлался получше, чѣмъ теперь.

Итакъ, плоха надежда на улучшеніе русскаго народа, если мы станемъ развивать здравыя начала жизни и воспитанія только въ одномъ кружкѣ, а массѣ предоставимъ подражать ему. Нѣтъ, свѣтъ истиннаго образованія и прогресса не уживется въ маленькомъ кружкѣ; ему тамъ тѣсно будетъ отъ притязаній, формъ, приличій, въ которыхъ держится бытъ этого кружка, ему нуженъ просторъ, чтобы горѣть ярче и ярче, ибо ему самый источникъ его указалъ просвѣщать вся языки... Потому, чтобы имѣть право ждаты улучшенія въ образованіи русскіхъ отъ преобразования воспитанія женскаго, такъ для этого перевоспитайте женщину и въ высшемъ и въ среднемъ классѣ и въ крестьянскомъ быту.

Не мало могут содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ нынѣшніе педагогическіе журналы составленіемъ программъ и указаніемъ руководствъ. Въ этомъ случаѣ мы согласны съ мнѣніемъ г. Камкова.

Что же касается до предлагаемаго г. Камковымъ проэкта о томъ, какіе предметы должны входить въ кругъ образованія дѣвицъ высшаго класса, то приложеніе его къ дѣлу мы находимъ во многихъ случаяхъ неудобнымъ.

Г. Камковъ раздѣляетъ всѣ предметы, которые, по его мнѣнію, могутъ быть преподаваемы дѣвицамъ высшаго класса, на обязательные и необязательные. Къ обязательнымъ онъ относитъ: законъ Божій, русскую исторію, русскую географію, русскую словесность, всеобщую исторію, исторію общей литературы, ариѳметику, физику, музыку и танцы; къ необязательнымъ: французскій, нѣмецкій и англійскій языки, эстетику и рисованіе. При этомъ г. Камковъ представляетъ и отдѣлы, какіе по его мнѣнію должны быть проходимы въ каждомъ предметѣ.

Первое, что обратило на себя наше вниманіе при чтеніи проэкта, это раздѣленіе предметовъ на обязательные и необязательные, — раздѣленіе, которое имѣетъ у себя помимо г. Камкова много приверженцевъ. Мы однакожь не принадлежимъ къ числу ихъ.

Опытъ показываетъ, что подобное дробленіе учебныхъ предметовъ имѣетъ свои вредныя слѣдствія для развитія учащихся. Имъ весьма удобно поддерживать въ питомцахъ лѣность; потому что всякой ученикъ или ученица, хотя бы они происходили изъ самаго высшаго сословія, полагаемъ, имѣютъ, какъ и всѣ грѣшныя, много животныхъ побужденій, которыя и составляютъ главную причину лѣности. Поэтому ученица, если узнаетъ, что такой-то предметъ не обязателенъ (скрыть этого нельзя), то, будьте увѣрены, она имъ будетъ или дурно заниматься, или вовсе не будетъ заниматься. Примѣръ, могущій служить доказательствомъ въ этомъ случаѣ, представляютъ между прочимъ наши университеты, гдѣ тоже предметы раздѣляются на главные или факультетскіе и побочные, и духовныя семинаріи, гдѣ есть также и предметы главные (богословіе, латинскій

языкъ, философія и проч.) и неглавные (исторія, новые языки, естественная исторія, математика). Студенты университетовъ нѣкоторые не факультетскіе предметы знаютъ хуже, чѣмъ гимназисты; воспитанники семинарій выходятъ съ весьма жалкими знаніями по части предметовъ, признанныхъ неглавными. Вообще намъ кажется вредно даже отдавать въ дѣлѣ общаго образованія предпочтеніе какому бы то ни было предмету предъ другими.

Къ тому же раздѣленіе предметовъ на главные и неглавные, признанное въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣетъ хотя какое-нибудь основаніе, особенно въ университетахъ. Но какое основаніе принялъ г. Камковъ при раздѣленіи предметовъ на такіе отдѣлы, мы нисколько не понимаемъ. Мы бы при этомъ случаѣ рассуждали такъ: выборъ учебныхъ предметовъ при воспитаніи кого бы то ни было опредѣляется тѣмъ, во-первыхъ, что воспитанникъ есть человѣкъ, и что, слѣдовательно, онъ долженъ быть уменъ, имѣть чувство, къ истинно-прекрасному направленное, дѣлать добро не себѣ только, но и другимъ, словомъ, долженъ быть такимъ, какъ понимаетъ человѣка Евангеліе; во-вторыхъ, тѣмъ, что каждый есть или русскій, или французъ или нѣмецъ, и каждый принадлежитъ или къ мужескому или женскому полу. Поэтому всѣ предметы, которые образуютъ въ человѣкѣ человѣка, которые развиваютъ сознаніе своей національности, непременно должны быть проходимы. Но скажутъ: нельзя же пройти всѣ предметы въ одинаковой мѣрѣ; нужно, значить, выбрать изъ нихъ для тщательнѣйшаго изученія такіе, которые болѣе содѣйствуютъ достиженію цѣли воспитанія. Мы съ этимъ совершенно согласны; что дѣлать? всѣ предметы пройти одинаково нѣтъ ни времени, ни средствъ. Но это уже другой вопросъ; здѣсь уже дѣло въ томъ, какъ преподавать тотъ или другой предметъ и въ какомъ объемѣ его преподавать. Способъ преподаванія того или другаго предмета при общемъ образованіи опредѣляется возрастомъ и поломъ. Смотря по тому, въ какомъ возрастѣ и къ какому полу относится воспитываемый субъектъ, слѣдуетъ и употреблять тотъ или другой способъ обученія.

Вообще находятъ, что дѣвицѣ нужно сообщать истины въ конкретныхъ формахъ, а никакъ въ отвлеченныхъ, въ силу той ея особенности, что умъ ея способенъ къ воспріятію истинъ болѣе въ первыхъ, нежели въ послѣднихъ. Такой же способъ преподаванія долженъ быть употребляемъ и по отношенію къ мальчикамъ до 15-ти лѣтняго ихъ возраста. Объемъ же преподаванія зависитъ отъ вещественнаго положенія учащихся, отъ взгляда на обученіе ихъ родителей; т. е., кто болѣе имѣетъ средствъ и кто къ тому же образованіе считаетъ существенною потребностію, тотъ дастъ своимъ дѣтямъ общее образованіе, объемомъ своимъ равняющееся гимназическому; въ противномъ случаѣ ограничится ознакомленіемъ дѣтей своихъ только съ безжизненнымъ оставомъ предметовъ. По нашему мнѣнію, нѣтъ ничего бесполезнѣе для учащихся, какъ прохожденіе предмета въ краткомъ видѣ. Не смотря на то, что поневолѣ, въ силу почти физической необходимости, у насъ большею частію предметы учебные проходятъ кратко, что особенно замѣчается между недостаточными людьми,—не смотря однакожъ на эту неотвратимую необходимость, можно уменьшить горе: если нѣтъ возможности съ должною полнотою пройти весь предметъ, то пройдите его кратко, но только важнѣйшіе въ немъ отдѣлы разъясните подробно. Намъ кажется, что это будетъ гораздо полезнѣе для учащихся, нежели заучиваніе учебниковъ.

Всего этого г. Камковъ, кажется, не имѣлъ въ виду, дробя предлагаемые имъ для образованія дѣвицъ высшаго сословія предметы на обязательные и необязательные; оттого проэктъ его помимо этого раздѣленія имѣетъ нѣкоторые недостатки. Эти недостатки, по нашему мнѣнію, слѣдующіе:

1) Нѣкоторые предметы г. Камковъ предлагаетъ преподавать дѣвицамъ высшаго сословія съ обременительною для нихъ полнотою. Такъ въ отдѣлѣ «законъ Божій» намъ кажется излишнимъ особенное преподаваніе ученія о христіанскихъ обязанностяхъ; потому что всякій преподаватель долженъ ознакомить, и хорошій преподаватель непременно ознакомитъ своихъ ученицъ съ этимъ дѣломъ при сообщеніи въ катихизисѣ ученія о блаженствахъ, молитвѣ Господней и заповѣдяхъ Божіихъ.

Исторію общей литературы, по нашему мнѣнію, совершенно невозможно съ пользою для ученицъ проходить, какъ отдѣльный предметъ. Авторъ желаетъ, чтобы дѣвицы высшаго сословія изучили исторію литературы индѣйской, еврейской, греческой, римской, нѣмецкой, англійской, французской, итальянской, испанской и португальской. Во сколько времени думаетъ г. Камковъ преподавать эти предметы дѣвицамъ высшаго сословія, т. е., преподавать такъ, чтобъ онѣ знали наизусть не имена только литературныхъ свѣтилъ того или другаго народа, а видѣли въ литературѣ каждаго народа отраженіе народной жизни, на сколько она можетъ выразиться въ словѣ? Мы сами занимались преподаваніемъ словесности и должны сознаться, что не могли преподавать, какъ бы хотѣли, исторію одной русской словесности въ продолженіе года, полагая по два урока въ недѣлю, ученикамъ VII класса гимназій, болѣе или менѣе подготовленнымъ къ этому дѣлу, болѣе или менѣе развитымъ; намъ приходилось останавливаться только на нѣсколькихъ писателяхъ, которые составляютъ эпохи въ нашей словесности и въ твореніяхъ которыхъ ярче, чѣмъ у другихъ, отразились особенности направленія жизни русской и эстетическаго чутія. Не лучше ли знакомить дѣвицъ съ исторіею иноземныхъ литературъ при преподаваніи теоріи словесности, когда излагается историческій очеркъ каждаго рода словесныхъ произведеній, и при изложеніи всеобщей исторіи? Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. ознакомленіе дѣвицъ съ исторіею иноземныхъ литературъ при изложеніи всеобщей исторіи имѣетъ ту выгоду, что онѣ будутъ видѣть отношенія той или другой эпохи въ литературѣ народа къ развитію самой жизни этого народа, и такимъ образомъ будутъ имѣть возможность объяснять въ своемъ умѣ одно другимъ. Г. Камковъ требуетъ преподаванія дѣвицамъ высшаго сословія эстетики, какъ отдѣльнаго предмета. Мы не понимаемъ, что онъ разумѣетъ подъ эстетикой, которая, по нашему мнѣнію, если и можетъ существовать, то не какъ теорія, но какъ историческое развитіе идей объ изящномъ. При преподаваніи теоріи словесности преподаватель всегда ознакомитъ ученицъ съ этимъ дѣломъ.

2) Нѣкоторыхъ предметовъ, очень важныхъ при общемъ образованіи дѣвицы, недостаетъ въ проэктѣ г. Камкова.

Таковыми предметами мы считаемъ:

а) Педагогику. Намъ кажется, что наука о воспитаніи имѣетъ полное право на мѣсто въ составѣ предметовъ, назначенныхъ для образованія дѣвицъ какого бы то ни было сословія; потому что мы замѣчаемъ, что многіе недостатки въ воспитаніи, отсталость, а иногда чистѣйшая нелѣпость мнѣній въ дѣлѣ домашняго воспитанія именно происходятъ оттого, что матери, да и гувернантки, совершенно незнакомы даже съ основными понятіями объ этомъ дѣлѣ, и держатся въ этомъ случаѣ или старой колеи, или своего личнаго воззрѣнія на это дѣло, иногда зависящаго отъ случайныхъ обстоятельствъ или минутнаго душевнаго раздраженія, и потому постоянно противорѣчатъ себѣ.

б) Каждая дѣвица должна быть въ послѣдствіи хозяйкой дома, помощницей своего мужа во всѣхъ дѣлахъ, касающихся семейныхъ матеріальныхъ интересовъ; поэтому, намъ кажется, необходимо при воспитаніи дѣвицъ знакомить ихъ съ хозяйственными нуждами и способами ихъ удовлетворенія, внушать имъ, что занятіе хозяйствомъ вовсе не есть дѣло предосудительное, какъ полагаютъ нѣкоторые, что и оправдываютъ на опытѣ многія великосвѣтскія женщины, а напротивъ—дѣло необходимое.

в) Но что всего кажется намъ страннѣе, такъ это то, что г. Камковъ изъ круга обученія дѣвицъ высшаго класса исключилъ всеобщую географію. Этимъ г. Камковъ обнаружилъ совершенное невѣдѣніе существа этого предмета, а равно шаткость своихъ идей о воспитаніи. Г. Камковъ, вѣроятно, полагаетъ, что изученіе географіи бесполезно для дѣвицъ потому, что она состоитъ изъ множества собственныхъ именъ, запоминать которыя весьма трудно и для развитія учащихся бесполезно. Если смотрѣть на географію съ этой точки зрѣнія, то конечно этотъ предметъ долженъ быть исключенъ изъ круга общаго образованія. Мы смотримъ однакожь на это дѣло иначе. Географія, по нашему мнѣнію, должна представить живую и возможно-полную картину всего, что есть въ настоящее время

на земномъ шарѣ и что дѣется на немъ. Эта общая картина тѣмъ поразительнѣе, тѣмъ величественнѣе, что она слагается изъ множества разнообразныхъ картинъ, связанныхъ однако тѣсно между собою одною высокою идеею могущества и мудрости Творца и генія человѣчества. Это есть результатъ жизни человѣчества. Смотри такимъ образомъ на географію, сколько преподаватель ея, особенно если онъ изложеніе своего предмета соединяетъ съ естественною исторіею, которую, неизвѣстно почему, г. Камковъ тоже исключилъ изъ своего проэкта,—сколько преподаватель имѣетъ въ своихъ рукахъ средствъ затронуть разнообразныя душевныя струны своихъ ученицъ? Было бы излишне распространяться объ образовательномъ вліяніи этого предмета: дѣло такъ ясно, что само за себя говоритъ. Съ другой стороны, г. Камковъ считаетъ обязательнымъ предметомъ русскую географію и всеобщую исторію. Но мы полагаемъ, что изученіе съ пользою этихъ предметовъ невозможно безъ знанія всеобщей географіи. Каждый предметъ уясняется въ умѣ человѣка путемъ исторіи его и сравненія съ другими предметами того же рода. Теперь спрашивается, пойметъ ли дѣвица мрачную, напимѣръ, картину нашего сѣвера, внѣшній и внутренній бытъ его обитателей, заинтересуетъ ли ее вполне эта картина, когда въ умѣ ея она стоитъ одинокою, не сопоставляясь съ картинами совершенно противоположнаго характера? При изложеніи всеобщей исторіи и словесности другихъ народовъ учителю этихъ предметовъ пришлось бы держаться сказочнаго метода, когда ученицы его не вѣдаютъ всеобщей географіи; т. е. говоря, напимѣръ, хоть объ Александрѣ Великомъ, онъ поставленъ бы былъ въ необходимость проповѣдывать въ родѣ того: въ нѣкоторомъ царствѣ, не нашемъ государствѣ, за тридевять земель и проч.

г) Представивъ проэктъ предметовъ, долженствующихъ входить въ кругъ образованія дѣвицъ высшаго сословія, г. Камковъ ничего не сказалъ, какой существуетъ въ его краю ухоль за нравственнымъ и тѣлеснымъ развитіемъ дѣвицъ и какой, по его мнѣнію, долженъ быть. По нашему мнѣнію, это дѣло тѣмъ большей важности, что о надзорѣ за нравственнымъ и тѣлес-

нымъ развитіемъ дѣвицъ имѣютъ самыя превратныя понятія и что отъ способа смотрѣнія за этимъ развитіемъ зависитъ успѣшное или безуспѣшное дѣйствіе на души питомцевъ проходящихъ ими предметовъ.

Статья г. Камкова дала намъ поводъ высказать нашъ взглядъ на то, чѣмъ должны быть историко-статистическіе очерки при разъясненіи поднятаго нынѣ вопроса о воспитаніи; а разборъ самой статьи далъ намъ поводъ высказать наши мысли объ образованіи дѣвицъ въ Россіи и вообще о воспитаніи, и мы ихъ высказали большею частію въ общихъ положеніяхъ съ тою преимущественно цѣлію, чтобы читатель видѣлъ, какія начала проникаютъ въ предлагаемый теперь очеркъ воспитанія дѣвицъ Пермскаго края, равно и другіе, подобнаго же содержанія, матеріалы, которые у насъ подъ рукою и которые, надѣемся, въ свое время явятся на судъ его.

Благодаря просвѣщенному сочувствію къ дѣлу воспитанія въ Россіи директора училищъ Пермской губерніи И. Ф. Г-скаго, мы имѣли возможность задать себѣ задачу: представить историко-статистическое описаніе учебно-воспитательной части въ нашемъ краю, въ томъ по возможности духѣ, которымъ по вышеизложенному нашему мнѣнію долженъ проникать всякій историко-статистическій очеркъ педагогическаго содержанія. Предметъ этотъ, кажется, нелишенный интереса по самому своему свойству, становится еще тѣмъ важнѣе, что въ Пермской губерніи болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, училищъ,—болѣе или менѣе разнообразныхъ по своимъ цѣлямъ, духу и направленію. Директоръ не щадитъ своихъ трудовъ для содѣйствія къ выполненію предложенной задачи. Надобно сознаться, что опытность его, добытая 35-ти лѣтнею педагогическою дѣятельностію, его наблюденія въ это время, которыя онъ намъ сообщаетъ, весьма много пополняютъ собранные здѣсь изъ официальныхъ бумагъ матеріалы.

II.

Историческое развитіе обитателей Пермскаго края. — Образование двухъ отдѣловъ въ его народонаселеніи. — Направленіе жизни и пониманіе образованности въ разныя времена въ высшемъ отдѣлѣ народонаселенія. — Положеніе женщинъ среди Пермскаго общества и условливаемое имъ направленіе въ ихъ образованіи.

Историческое развитіе обитателей Пермскаго края имѣеть свой особенный отъ обитателей многихъ другихъ странъ Россіи характеръ. Эта особенность историческаго развитія положила до-сихъ-поръ еще неизглаженную печать на устройство быта какъ всѣхъ вообще обитателей, ихъ убѣжденій, вѣрованій, дѣйствій, словомъ на всю ихъ жизнь, такъ, въ особенности, на складъ того, что многіе называютъ обществомъ, т. е., того круга людей, которому выпали на долю правительственныя права и промышленныя занятія въ этомъ краю — и потому все это отразилось и въ воспитаніи.

До XV столѣтія все пространство, заключающее въ себѣ нынѣшнюю Пермскую губернію, еще и не подпадало вліянію русскихъ, хотя это вліяніе, надо сказать, и было подготовляемо нѣсколькими частными лицами (Св. Степанъ, Питиримъ). Здѣсь, на огромномъ пространствѣ, покрытомъ дремучими лѣсами и невысокими горами жили различныя поколѣнія финскаго племени, съ поражающею бѣдностію во внѣшнемъ бытѣ и нравственномъ развитіи. Погруженныя въ грубое язычество, финны, казалось, не жили и на свое существованіе смотрѣли съ мертвящимъ равнодушіемъ. Между тѣмъ народонаселеніе средней Руси, въ своемъ движеніи съ юго-запада на с. востокъ приближалось все болѣе и болѣе къ нимъ, — и наконецъ, въ XV вѣкѣ, русскіе утвердились въ этомъ краю. Финскіе и соединившіеся съ ними татарскіе народцы проснулись. Русскіе затронули самыя живѣйшіе ихъ интересы — вѣрованія, собственность и свободу жить, гдѣ и какъ хочется. Открылась борьба, борьба не на животъ, а на смерть, борьба тѣмъ ожесточеннѣйшая, что съ обѣихъ сторонъ была ведена во имя вѣры и верховной власти. — Послѣ двухвѣковой почти борьбы Азія уступила Европѣ, въ лицѣ русскихъ, право на обладаніе богатымъ краемъ и хребтомъ Уральскимъ, и чрезъ него открыла дорогу въ Сибирь вліянію русскихъ. Та-

кимъ образомъ народонаселеніе Пермской губерніи сложилось изъ соединенія двухъ элементовъ—русскихъ съ народцами.

Но кто это были русскіе? Что побуждало ихъ оставлять свои родныя поля и идти въ землю далекую? Всякой, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ русскою исторіею, имѣеть понятіе о бродячемъ классѣ Средней Руси и образовавшагося изъ княжествъ ея Московскаго Государства, имѣеть понятіе о гулящихъ людяхъ или козакахъ. Этотъ классъ народонаселенія во время родовыхъ усобицъ Рюриковичей переходилъ съ одного мѣста на другое, по своей волѣ, служа орудіемъ то тому, то другому князю для родовыхъ ихъ цѣлей. Послѣ того, какъ всѣ княжества Восточной Руси собрались около Москвы въ одно цѣлое, въ государство, естественно этотъ классъ народа сталъ противогосударственнымъ началомъ,—зломъ, отъ котораго правительство старалось избавиться. Понятно, что бывъ долгое время орудіемъ другихъ, этотъ классъ въ силу уже этого обстоятельства, т. е., въ силу служенія не для защиты или охраненія того или другаго нравственнаго или политическаго принципа, а для прибытка, разгула, возможности жить на чужой счетъ, былъ проникнуть растлѣніемъ нравовъ, чуждъ всякаго понятія о долгѣ христіанскомъ, полонъ предрасудковъ, стремленій животныхъ, стремленій къ интересамъ только матеріальнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ непобѣдимую никакою силою отвагу, смѣлость въ предпріятіяхъ и дерзкую рѣшимость въ ихъ исполненіи. Такой-то классъ народа устремился въ восточную полосу нынѣшней Россіи и, слѣдовательно, въ Пермскій край, когда съ усиленіемъ Москвы тѣсно и небезопасно стало ему жить въ Средней Руси на чужой счетъ; людей этого рода, понятно, влекла туда одна корысть, одна жажда жить безъ большаго труда, разгульно... Когда имъ удалось завладѣть страной, побѣдить туземцевъ, то понятно, незавидныя гражданскія качества легли на почву Пермскаго края.

Надежды, которыя ихъ привлекли сюда, однакожь не исполнились. Московское правительство вскорѣ объявило это пространство своею собственностію и тотчасъ же высказало желаніе воспользоваться ею, чтобы казнѣ было прибыльнѣе. Съ этою цѣлію гулящій классъ народа прикрѣпленъ былъ или къ

земль богатыхъ промышленниковъ, или къ казеннымъ вотчинамъ. Для собиранія всякаго рода доходовъ назначены были воеводы съ многочисленнымъ классомъ служилыхъ людей. Всѣ эти служилые люди шли въ Пермскій край не съ цѣлю служить на благо страны, но чтобы быть сытыми, кормъ имѣть, и для приведенія въ дѣйствіе этой цѣли не пренебрегали никакими средствами. Притѣсненія во всевозможныхъ видахъ — пытки, батоги и т. п. считались тогда неукоризненнымъ средствомъ для властей, хотѣвшихъ быть сытыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ истребляли прежнее своеволие гулящихъ людей. Такимъ образомъ въ Пермскомъ краю образовались двѣ неравныя массы людей, изъ которыхъ одна составила, какъ мы уже сказали, изъ соединенія противогосударственного начала Московскаго Государства, гулящихъ людей, недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей, потомъ бѣглыхъ, преступниковъ, словомъ всего, чѣмъ тяготилось правительство — съ туземцами, а другую составляли служилые люди и владѣльцы земель, кормившіеся на счетъ первой. Очевидно, отношенія между этими массами не были благопріятными и потому не могли содѣйствовать въ томъ и другомъ отдѣлѣ народонаселенія утвержденію истинныхъ началъ нравственности и, слѣдовательно, истиннаго воспитанія. Напротивъ, читая акты XVII и XVIII вѣковъ, относящіеся къ Пермскому краю, современнѣйшій намъ человекъ съ ужасомъ видитъ потрясающія сцены нечестности, безнравственности, низости, эгоизма; всевозможные пороки, кажется, находили приложеніе въ тогдашнемъ Пермскомъ народонаселеніи. Вообще приходишь къ заключенію, что у людей господствовавшаго отдѣла народонаселенія на первомъ планѣ была корысть, матеріальный расчетъ, въ уваженіе которому приносилось въ жертву все, что есть лучшаго въ человекѣ. И кто занималъ такое мѣсто, гдѣ безнаказанно могъ имѣть хорошій кормъ, и землевладѣлецъ и помещикъ ничего не страшился, чтобы получить прибыль. Сознанія, что отъ этого страдаетъ народъ, тогда не существовало. Большая масса народа бросила прежнее своеволие, подавленная матеріальными расчетами меньшей; она поверглась наконецъ въ ту нравственную апатію, въ которой прежде находились

покоренные ею народы; цель ея существованія ясно была обозначена; далѣе ея она не имѣла возможности простирать свои виды; прогресса быть не могло. Мы оставимъ ее покаместъ въ этомъ состоянн и обратимся исключительно къ высшему отдѣлу народонаселенія. Матеріальныя расчеты людей этого отдѣла долго не уступали мѣста другимъ, благороднѣйшимъ побужденіямъ. Среди этого мрака, гдѣ правомъ силы опредѣлялось все, гдѣ матеріальныя цѣли были выше всего, казалось, духовенство и особенно монастыри должны бы были явиться хранителями и защитниками истины и блага. Но изъ актовъ XVII и XVIII вѣковъ видно, что и сюда вторглось существовавшее направление. Это направленіе, не смотря на законы, проникнутыя духомъ христіанскаго образованія, — законы, которые стали выходить со времени Петра Великаго, не исчезало во все время XVIII столѣтія и сохранилось, къ сожалѣнію, конечно въ меньшемъ видѣ, въ XIX вѣкѣ. Понятно, что при такомъ направленн образованіе туго прививалось къ людямъ высшаго отдѣла народоселенія Пермскаго или къ обществу Пермскому. Долго здѣсь, если и учились, то тому только, что могло дать въ жизни копейку. Съ начала нынѣшняго столѣтія стали понемногу заводиться училища. Но это заведеніе училищъ было дѣломъ не столько сознанія потребности образованія въ обитателяхъ, сколько распоряженіемъ правительства, польза отъ котораго могла произойти только съ теченіемъ времени. По-крайней-мѣрѣ въ 1828 году посланный для осмотра училищъ визитаторъ нашелъ училища въ весьма плохомъ состоянн. Съ преобразованіемъ устава училищъ 1828 года дѣло могло идти лучше; стали съ этого времени открываться приходскія, сельскія училища. Но долго въ образованн, получаемомъ въ этихъ училищахъ, не было жизненности; старая колея и обученія и воспитанія оставалась, какъ и прежде, цѣлою. Да и учились за тѣмъ только, что ученіе давало возможность достигнуть сопряженныхъ съ ученіемъ правъ; тѣже, которые по своему рожденію не могли рассчитывать на это, не учились; слѣдовательно, школа производила мало благодѣтельнаго вліянія на жизнь общества. Причиною этого былъ, кромѣ сильно укоренившагося матеріаль-

наго взгляда на жизнь, совершенный недостаток педагогического образования учителей. Понятное дѣло, съ какими трудностями приходились бороться людямъ, желавшимъ болѣе чело-вѣческаго въ жизни и воспитаніи, людямъ иногда вырывавшимся изъ среды Пермскаго общества: они или были увлекаемы общимъ потокомъ показаннаго направленія, или падали въ борьбѣ съ нимъ съ сознаниемъ своего безсилія идти противъ большинства. Лучшее направленіе въ дѣлѣ воспитанія замѣчается съ пятидесятихъ годовъ. Отъ него, если оно еще улучшится, можно надѣяться исправленія общества; ибо, надо сказать, что матеріальное воззрѣніе общества на жизнь и на воспитаніе еще стоитъ страшно стѣною противъ истинныхъ началъ цивилизаціи и образованности.

Если такое направленіе было господствующимъ въ жизни Пермскаго общества, то намъ понятны будутъ положеніе и воспитаніе женщины среди его, равно уяснятся въ нашемъ сознаніи всѣ тѣ черты современнаго ея воспитанія, которыя мы намѣрены представить.

Женщина, въ силу особенности своей природы, всегда слабѣе мужчины въ физическомъ отношеніи; въ душевномъ отношеніи въ ней сторона чувства и воображенія только развита болѣе, чѣмъ въ мужчинѣ, который поэтому далеко опереживаетъ ее природнымъ запасомъ силъ. Полнота жизни женщины условливается единствомъ ея жизни съ мужчиною. Онъ пополняетъ недостатокъ ея силы физической; онъ ея ограда отъ всѣхъ нападеній, которыя можетъ себѣ позволить грубая сила противъ беззащитной слабости. А этихъ нападеній на женщину, этихъ уязвленій святой ея особенности, судя по направленію жизни общества, должно было быть не мало. Тамъ, гдѣ на первомъ планѣ матеріальный расчетъ, тамъ, гдѣ преобладаетъ чувственное воззрѣніе на жизнь, всегда положеніе женщины печально и безотраднo. Проникнутый одною мыслию объ интересѣ матеріальномъ, готовый для этого интереса на все, мужчина видитъ въ женщинѣ не цѣль для себя, но средство; тамъ онъ смотритъ на нее, какъ на рабу свою; ибо онъ неспособенъ вознестись до истинной идеи отношеній между нимъ

и женщиною. Поэтому, рассматривая акты, относящіеся къ Пермскому краю, мы съ грустію останавливаемся на многих фактахъ, показывающихъ печальное положеніе женщины среди общества въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ. Это зачастую бывало, что мужъ колотилъ свою жену. Вотъ одинъ фактъ, который свидѣтельствуетъ о неуваженіи къ женщинѣ въ показанное время. Въ г. В—рьѣ была установлена таможня съ тѣмъ, чтобы воспренятствовать служилымъ людямъ провозить изъ Сибири запрещенные товары въ ущербъ казнѣ. Между прочими положеніями устава этой таможни, характеризующими эпоху, въ этомъ случаѣ для насъ важно то, которое предписывало раздѣвать женъ и дѣвицъ служилыхъ людей, и осматривать, не скрываютъ ли онѣ чего-либо изъ запрещенныхъ товаровъ; правило это конечно исполнялось со всею деликатностію, свойственною грубости вѣка и народа. Если не завидно было положеніе женщины въ этотъ вѣкъ, то понятно, что главная цѣль ея жизни должна была состоять въ томъ, чтобы выйти замужъ, найти въ мужѣ защитника себя и покровителя. Впрочемъ это стремленіе естественно въ женщинѣ и безъ этой причины. Но чѣмъ же она могла обратить на себя вниманіе мужчины? Возвышенностію ли своего чувства? Глубокою ли любовію къ нему? Гармоническимъ ли развитіемъ всѣхъ своихъ силъ, когда мужчина, занятый однимъ матеріальнымъ интересомъ, чувственно смотрѣвшій на жизнь, не понималъ этого всего? Понятно, ей нужно было принаровиться къ нему, чтобы снискать его расположеніе, ей нужно было воспитать себя такъ, чтобы въ состояніи понравиться чувственному его взору. Этимъ объясняется, почему и въ настоящее время въ низшемъ слоѣ народонаселенія мать старается воспитать въ своей дочери дюжю дѣвицу и съ сокрушеніемъ сердечнымъ смотреть, если дочь ея не взяла тѣломъ; этимъ объясняется, почему жена зажиточнаго купца старается воспитать въ своей дочери бѣлое, жирное тѣло и для этой цѣли позволяетъ ей пить непомѣрное количество чая и ѣсть болѣе, чѣмъ исправно.—Матеріальный взглядъ на жизнь, вслѣдствіе наплыва новыхъ идей, провозвѣщенныхъ XIX вѣкомъ, долженъ былъ сдѣлать ту уступ-

ку этимъ идеямъ, что принялъ болѣе мягкія, чѣмъ прежде, формы. Обитатели высшаго отдѣла Пермскаго народонаселенія въ исходѣ XVIII и началѣ XIX вѣка не такъ уже грубо домогаются получить выгоду на счетъ другихъ, не физической силою стараются достичь ея, а болѣе хитростію, уловками, умомъ слѣдовательно. Значить человѣку этого вѣка не могла уже понравиться прежняя женщина съ своимъ безыскусственнымъ раболѣпствомъ, съ своею полнотою тѣла; ему нужна была женщина поделикатнѣй, чтобъ ему можно было успокоить на ней свои чувственные глаза. Бѣдной женщинѣ нужно было перемѣнить свое воспитаніе: нужно было выучиться кланяться граціозно, имѣть потоньше талію, поменьше руки, немножко играть на фортепіано и по-французски знать. За все это она довольствовались тѣмъ, что мужчина сталъ уступать ей въ собраніи мѣсто, кланяться ей прежде, говорить ей кучу любезностей и вообще выказывать предъ нею подобныя тому знаки уваженія. Внутреннее же отношеніе между женщиной и женщиной не измѣнилось съ измѣненіемъ внѣшняго его выраженія.

Такое положеніе женщины въ нашемъ обществѣ и зависящая отъ него самая цѣль ея жизни условливаютъ и самое воспитаніе ея, которое именно стремится къ тому, чтобы достигнуть этой цѣли, т. е. чтобы склонить на себя чувственно-матеріальный взглядъ современнаго, оцивилизованнаго мужчины.

Дальнѣйшее наше изложеніе послужитъ раскрытіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденіемъ этого положенія.

III.

Воспитаніе дѣвиць въ Пермскомъ обществѣ.

Слои въ этомъ обществѣ.—Пансіонъ г-жи Штиккель: къ чему стремится домашнее воспитаніе дѣвиць?—Обученіе танцамъ.—Воспитаніе дѣвиць у богатыхъ: обученіе въ этомъ слоѣ общества, цѣль его, объемъ его, приемы, употребляемые при обученіи дѣвиць, и зависящіе отъ степени педагогическаго образованія учителей.—Воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ въ этомъ слоѣ: педагогическія свойства и дѣйствія родителей и замѣняющихъ ихъ мѣсто въ этомъ дѣлѣ.—Воспитаніе въ среднемъ слоѣ общества.— Два направленія воспитанія въ этомъ слоѣ; характеръ того и другаго.— Общій выводъ изъ всего изложенія.—Проекты о заведеніи женской гимназіи въ губернскомъ городѣ.

Предыдущее наше историческое изложеніе развитія Пермскаго общества должно было показать читателю, что въ нашемъ краю нѣтъ тѣхъ преданій, въ силу которыхъ бы оно разграничивалось рѣзко на слои, какъ это замѣчается въ такъ называемыхъ дворянскихъ губерніяхъ. Здѣсь разграничиваютъ людей не преданія фамилій, а богатство, или мѣсто, дающее матеріальныя средства и значеніе въ обществѣ. Отсюда воспитаніе дѣвиць въ нашемъ обществѣ вооружается большими или меньшими средствами, для достиженія вышесказанной цѣли жизни, смотря по матеріальнымъ средствамъ родителей, съ немногими исключеніями, или болѣе утѣшительными или менѣе утѣшительными, условливаемыми степенью пониманія сущности воспитанія, характеромъ любви къ дѣтямъ и проч. Поэтому кто богатъ, кто имѣетъ всѣ средства къ удобствамъ житейскимъ, тотъ, будетъ ли онъ дворянинъ, лицо духовнаго званія, купецъ, стремится отдать свою дочь въ институтъ или по-крайней-мѣрѣ въ столичный пансіонъ. Этого рода заведеніямъ отдають безусловное уваженіе и оказываютъ вѣру въ могущественное образовательное ихъ дѣйствіе на юныхъ дочерей. Это стремленіе богатыхъ людей въ нашемъ обществѣ, воспитывать своихъ дочерей въ столицахъ, имѣетъ своею причиною, кромѣ высокаго уваженія ихъ къ столичнымъ женскимъ заведеніямъ, еще то обстоятельство, что въ Пермской губерніи въ настоящее время вовсе нѣтъ такого рода заведеній.

Въ 1845 году завелся было женскій пансіонъ въ городѣ Перми. Содержательница его г-жа Штиккель имѣла было до 30 воспитанницъ. Но это заведеніе существовало весьма недолго. Вотъ главнѣйшія черты этого учрежденія, заимствованныя нами частію изъ официальныхъ бумагъ, а болѣе изъ разсказовъ учившихся въ немъ и тѣхъ, которые учили тамъ,—и бывшія между-прочимъ причиною недолгаго его существованія.

Пансіонъ помѣщался въ большомъ двухъ-этажномъ, довольно холодномъ домѣ. Часть его занималась самою содержательницею и классными дамами, другая часть назначена была для классныхъ комнатъ и помѣщенія для пансіонерокъ. Всѣ пансіонерки раздѣлялись на два отдѣла: однѣ именовались полными пансіонерками и жили въ самомъ пансіонѣ, платя за это по 180 р., другія только пріѣзжали учиться въ пансіонъ и по окончаніи занятій отправлялись по домамъ родителей. Первой категоріи дѣвицы принадлежали болѣею частію къ провинціальной аристократіи и потому свысока смотрѣли на приходящихъ. Впрочемъ иногда гордость ихъ утихала предъ плебеянками, особенно когда тѣ приходили въ пансіонъ съ запасомъ пирожковъ и прочаго съѣдомаго, что не могло не привлекать желудковъ аристократокъ; потому-что столъ въ пансіонѣ далеко не удовлетворялъ ихъ требованіямъ.

Вся правительственная и распорядительная часть въ заведеніи находилась, конечно, въ рукахъ самой содержательницы, подъ главнымъ надзоромъ директора училищъ и губернатора. Помощницами ей по части надзора за прилежаніемъ и поведеніемъ были классныя дамы.

Учебно-воспитательная часть въ пансіонѣ шла такимъ порядкомъ:

Учили воспитанницъ: закону Божію (свящ. исторіи и катихизису), русскому языку и словесности, исторіи, географіи, ариметикѣ, французскому и нѣмецкому языкамъ, чистописанію и рисованію, музыкѣ (за особую плату) и танцамъ. Всѣ учебные предметы проходились по самымъ краткимъ учебникамъ. Преподавателями этихъ предметовъ были учителя и директоръ гимназіи, которые, надо сказать, почти безмездно приняли на

себя трудъ преподаванія. Не смотря однакожь на все усердіе преподавателей, ученіе шло не совсѣмъ успѣшно: ученицы, за исключеніемъ танцевъ и отчасти французскаго языка (на эти предметы обращалось преимущественное вниманіе), знали весьма мало и безъ всякой основательности.

Средствомъ для лучшаго знанія французскаго языка считали въ пансіонѣ постоянный разговоръ на немъ. Чтобы воспитанницы волею или неволею говорили по-французски и опасались для выраженія своихъ мыслей и ощущеній прибѣгать къ русскому языку, для этого учрежденъ былъ особаго вида билетъ, который тотчасъ же долженъ былъ попасть въ руки нарушившей правило, которая въ свою очередь могла передать его своей подругѣ, если бы замѣтила въ ней склонность къ русскому языку. Классная дама подвергала наказанію ту, у которой обрѣтала показанный билетъ. Сначала это учрежденіе достигало своей цѣли: пансіонерки вынуждаемы были выдумывать французскія фразы во-время разговора изъ опасенія получить ненавистный билетъ; а потомъ нашли средство избѣгать его и въ тоже время не утруждать себя заучиваніемъ французскихъ выраженій, отвѣчая на трудные для пониманія вопросы, предлагаемые или подругами или классными дамами: *comment faut il dire en français?* Вскорѣ всѣ стали говорить по-русски. Впрочемъ были воспитанницы, которыя довольно свободно изъяснялись на этомъ языкѣ; но это были такія, которыя съ дѣтства еще дома пріучались къ этому дѣлу.

Малые успѣхи въ прочихъ предметахъ происходили главнымъ образомъ отъ того невыгоднаго положенія, которое имѣли учителя этихъ предметовъ въ пансіонѣ. Вся дѣятельность учителей стремилась къ тому, чтобъ оживить, уяснить для воспитанницъ сухость краткихъ учебниковъ, принятыхъ въ руководство въ пансіонѣ. Старанія ихъ должны были повидимому увѣнчаться успѣхомъ: но на дѣлѣ выходило иначе. Воспитанницы не старались запомнить объясненія учителя, зная, что классная дама не будетъ требовать у нихъ отчета въ этомъ, а будетъ спрашивать то, что есть въ учебникѣ и по этому отвѣту поставитъ баллъ, дающій право на награду, или влекущій за со-

бою наказаніе; ибо учительскія отмѣтки при оцѣнкѣ степени знанія и прилежанія воспитанницы не принимались во вниманіе. Часто случался совершенный контрастъ между отмѣткою преподавателя, поставленною имъ извѣстной дѣвицѣ, и отмѣткою классной дамы, слушавшей ее предъ классомъ, т. е. случилось, что классная дама поставитъ 5, а чрезъ полчаса приходитъ учитель и ставитъ той же особѣ 4—и эта особа совершенно спокойна, зная, что ей за это ничего не будетъ. Оттого дѣвица старалась выдолбить урокъ по учебнику, остаться правою предъ классной дамой, и потомъ имѣла право забывать и естественно забывала выученное безъ толку и пониманія. Поэтому мы находимъ, что нѣтъ ничего хуже и вреднѣе для заведенія, какъ отнимать у учителей право оцѣнивать успѣхи своихъ учениковъ и во-время курса и на экзаменахъ: учитель долженъ быть полнымъ хозяиномъ своего предмета и въ своемъ классѣ. Большіе успѣхи впрочемъ въ пансіонѣ, въ сравненіи съ другими предметами, были изъ русскаго языка и исторіи, мѣншіе—по нѣмецкому языку.

Классныя дамы, на которыхъ главнымъ образомъ лежалъ надзоръ за нравственнымъ развитіемъ воспитанницъ, какъ видно, не хотѣли понять, что для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли воспитанія необходимо поставить себя по отношенію къ воспитываемымъ субъектамъ въ такое положеніе, чтобъ онѣ любили и уважали своихъ воспитателей, и что, слѣдовательно, на воспитанницъ нужно болѣе дѣйствовать мѣрами кротости, своимъ вліяніемъ, чѣмъ тѣми искусственными средствами, которыя были въ ходу въ пансіонѣ. Классныхъ дамъ не любили воспитанницы; только немногія изъ нихъ были приближены къ своимъ воспитательницамъ. Эти немногія были дочери людей съ вѣсомъ въ обществѣ, что не укрылось отъ взора большей части пансіонерокъ и было причиною того, что онѣ стали считать классныхъ дамъ пристрастными, куращими фиміамъ предъ богатствомъ. Понятно, какъ послѣ этого смотрѣли пансіонерки на всѣ мѣры поощренія, которыя употреблялись въ пансіонѣ, какъ-то: зеленый бантъ на правомъ плечѣ за прилежаніе во французскихъ разговорахъ, ставленіе въ уголъ, съ билетомъ на

груди, за лѣнь, шалость, дерзость, оставленіе безъ объѣда. На все это воспитанницы смотрѣли не какъ на необходимое слѣдствіе своихъ поступковъ, но какъ на произвольное распоряженіе классной дамы. Вообще эти поощрительныя мѣры, которыя рассчитываютъ на пристыженіе дѣвицы или возбужденіе въ ней пріятнаго щекотанія честолюбія, выходятъ изъ ложнаго основанія, и скорѣе могутъ быть вредны для нравственнаго развитія воспитанницъ, пріучая ихъ къ привычкѣ не стыдиться ничего, или къ хвастливости, чѣмъ полезны, по крайней-мѣрѣ никогда не достигаютъ цѣли своей и назначенія.

Къ этому надо сказать, что въ пансіонѣ нравственность дѣвицы понимали слишкомъ односторонне; по-крайней-мѣрѣ такъ это пониманіе нравственности выражалось въ самыхъ дѣйствіяхъ, ибо на словахъ они были гораздо шире. Все стремленія пансіона направлялись къ тому, чтобы выучить своихъ воспитанницъ держать себя прилично. Правила, въ которыхъ всего краснорѣчивѣй выражалось понятіе о приличіяхъ, особенно ясно и громко высказывались предъ публичнымъ экзаменомъ. Тутъ преподавалось, какъ держать руки, какъ подойти къ экзаменаціонному столу, какъ поклониться, какъ послѣ экзамена, на которомъ отвѣчали заранѣе назначенное, держаться по отношенію къ мужчинѣ какому-нибудь, если бы ему вздумалось вступить въ разговоръ съ воспитанницей. — Относительно послѣдняго обстоятельства, т. е. относительно того, можно ли позволять пансіонеркамъ сближеніе съ мужчинами существовало мнѣніе, запрещающее воспитанницамъ до времени быть развязными въ обращеніи. Между тѣмъ на дѣлѣ выходило иное: однѣ дѣвицы сидѣли взаперти въ пансіонѣ, другія жили въ обществѣ и пользовались всѣми его удовольствіями. Приходя въ пансіонъ, эти счастливицы рассказывали о своихъ ощущеніяхъ, какъ водится болѣе сердечныхъ, своимъ подругамъ, лишеннымъ до времени этого счастья блистать въ обществѣ. Тѣ, за неимѣніемъ дѣйствительности, на основаніи образовъ, добытыхъ отъ подругъ, составляли въ своихъ головахъ какой-то идеальный міръ, полный любви и дружбы, вздыхали, писали записки къ своимъ подругамъ съ объясненіемъ того, что на сердцѣ завелось и проч.

въ родѣ этого. Не смотря однакожъ на всѣ недостатки пансіона, которые, какъ очевидно, происходили изъ не надлежащаго пониманія дѣла воспитанія дѣвицъ тѣми, которые его взяли на себя,—не смотря на это, учрежденіе такого заведенія было скорѣе полезно для края, чѣмъ вредно. Польза его сознавалась особенно тогдашнимъ губернаторомъ и директоромъ училищъ. Оба они употребляли всѣ зависяція отъ нихъ средства, чтобы поддержать заведеніе. Губернаторъ лично убѣждалъ купцовъ и чиновниковъ со средствами отдавать дочерей въ пансіонъ; даже тратилъ много своихъ собственныхъ денегъ для поддержанія пансіона; директоръ, какъ мы уже сказали, съ преподавателями гимназіи принялъ на себя трудъ почти безденежнаго преподаванія учебныхъ предметовъ воспитанницамъ. Но всѣ эти благородныя стремленія не возбуждали большаго сочувствія въ обществѣ; большая часть родителей оставались къ нимъ холодными и, если отдавали дѣтей, то изъ опасенія въ противномъ случаѣ возбудить непріятное чувство къ себѣ въ уважаемомъ начальникѣ губерніи. Эта холодность къ заведенію въ публикѣ, возбужденная безъ сомнѣнія сознаниемъ несовершенства въ его устройствѣ и направленіи, поддерживалась еще болѣе предрассудкомъ, въ силу котораго губернскіе и уѣздные аристократы считали неприличнымъ воспитывать своихъ дочерей съ дѣтьми бѣдныхъ чиновниковъ и купцовъ. Похвальное стремленіе содержательницы сблизить между собою обѣ половины своихъ воспитанницъ, и богатыхъ и малодостаточныхъ, уничтожить эту гордость, съ которою нерѣдко первыя смотрѣли на послѣднихъ, образовать одну семью, не имѣло успѣха, да и не могло имѣть при тѣхъ педагогическихъ началахъ, на которыхъ основанъ былъ пансіонъ. Поэтому дѣтскіе вечера, которые по желанію содержательницы учреждались у родителей богатыхъ пансіонерокъ и на которые приглашались всѣ безъ исключенія воспитанницы, не доводили до цѣли ихъ—до соединенія всѣхъ дѣвицъ въ одно нѣчто родственное, напротивъ только обнаружили огромную разницу между общественнымъ положеніемъ богатыхъ и бѣдныхъ и служили поводомъ къ глупымъ толкамъ и сплетнямъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ пансіонъ по про-

шествіи четырех-лѣтняго своего существованія сталъ клониться къ паденію и, когда умерла его содержательница, былъ закрытъ.

Въ уѣздномъ городѣ Екатеринбургѣ еще прежде, чѣмъ въ Перми, существовалъ пансіонъ подѣ управленіемъ той же самой содержательницы и съ такимъ же направленіемъ. По перевѣздѣ г-жи Штиккель въ Пермь, ни одна изъ являвшихся туда содержательницъ подобныхъ заведеній не имѣла успѣха по тѣмъ же причинамъ, вслѣдствіе которыхъ палъ пансіонъ и въ Перми.

Такъ-какъ въ настоящее время въ Пермской губерніи нѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, то люди съ хорошими матеріальными средствами или съ другою какою-нибудь возможностью, стараются, какъ мы уже сказали, отправлять своихъ дочерей для воспитанія, кто въ женскія учебныя заведенія въ Казани, кто въ столичныя институты и пансіоны. Дочери таковыхъ, возвращаясь на родину съ искусствомъ отлично держать себя въ обществѣ, съ граціей въ движеніяхъ, съ умѣньемъ говорить по-французски и толковать о литературѣ, ловко танцовать, но зато съ болѣзненною блѣдностію, съ способностію постоянно простужаться — служатъ предметомъ зависти и подражанія для остальныхъ родителей, желающихъ дать своимъ дочерямъ свѣтское воспитаніе, но лишеннымъ возможности достигнуть этого посредствомъ нашихъ знаменитыхъ женскихъ заведеній. Они (а ихъ несравненно большая часть), поставленные въ необходимость давать дочерямъ воспитаніе дома, за идеалъ истиннаго образованія поставляютъ то именно, которое дается въ упомянутыхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ при воспитаніи домашнемъ дочерей, которое по необходимости имѣетъ преимущество предѣ воспитаніемъ въ школѣ, обращаютъ вниманіе особенно на то, что можетъ наложить на дѣвицу этотъ пріятный лоскъ, такъ бросающійся въ глаза, лоскъ, съ которымъ выходятъ изъ учебныхъ женскихъ заведеній.

Весьма немногіе возвышаются надъ такимъ дѣтски-незрѣлымъ пониманіемъ сущности и цѣли воспитанія дѣвицы. Боль-

шая же часть въ нашемъ обществѣ, и богатые, и люди средней руки, и перебивающіеся кое-какъ въ жизни принадлежать къ приверженцамъ этого, такъ-называемаго, свѣтскаго воспитанія, — и потому начинаютъ образованіе своихъ дочерей съ ногъ, т. е. учатъ прежде всего танцовать. Такое раннее обученіе дѣвицъ теоритической и практической сторонѣ кадрили, полекъ, галоповъ, мазурокъ почитается въ умѣ нѣкоторыхъ необходимымъ по той причинѣ, что дитяти или, какъ говорятъ иные — дитѣ, нужно движеніе, въ умѣ же большей части родителей—по той причинѣ, что дѣвицъ благовоспитанной нельзя обойтись безъ танцевъ и что изящно можетъ танцовать только та, которая пріучается къ этому съ дѣтства. Въ уваженіе же послѣдней причины, съ дѣтства также пріучаютъ дѣвицу умѣнью выдѣлывать книксенъ, держать руки и вообще всю особу въ извѣстномъ и сообразномъ съ обстоятельствами направленіи. Обученіе танцамъ и манерамъ, начиная такимъ образомъ съ дѣтства, продолжается до цвѣтущей юности, когда уже открывается дѣвицъ болѣе или менѣе обширное поприще въ постоянной практикѣ обнаруживать передъ свѣтомъ блестящій талантъ и познанія по этой части. Все разнообразіе въ обученіи этому художеству заключается въ томъ, что дочери зажиточныхъ родителей берутъ уроки въ этомъ дѣлѣ у гувернантокъ, дочери родителей средняго состоянія у нѣкоторыхъ дамъ, которыя за небольшую плату открываютъ у себя танцевальныя классы, дочери бѣдныхъ, но жаждущихъ дать своимъ чадамъ образованіе,—у своихъ маменекъ, старшихъ сестеръ, искусныхъ въ этомъ дѣлѣ, своихъ знакомыхъ, нерѣдко, за неимѣніемъ мусикійскаго орудія, такъ много способствующаго оживленію этого искусства, или за неспособностію пользоваться имъ — подъ насвистываніе или приличное припѣваніе папенокъ и услужливыхъ кавалеровъ. Надо отдать полную справедливость: усилія родителей развить въ своихъ дочеряхъ танцевальныя и манерныя способности увѣнчиваются, кажется, полнымъ успѣхомъ. Мы въ этомъ предметѣ не далеки, и потому не можемъ сказать, на какой степени совершенства стоитъ у насъ это искусство; знаемъ только-то, что оно пользуется всеобщею любвію

и составляет одну из насущных потребностей общественной и семейной жизни.

Съ 6-ти или 7-ми лѣтъ начинаютъ учить дѣвицу разнымъ предметамъ. Здѣсь уже мы замѣчаемъ особенности въ средствахъ, которыми достигается вышепоказанная цѣль воспитанія дѣвицы, особенности, которыми довольно рѣзко отличается одинъ слой нашего общества отъ другаго, т. е. мы хотимъ сказать, что у аристократіи нашей, или людей богатыхъ, обученіе и воспитаніе дѣвицъ идетъ иначе, чѣмъ у остальной массы общества. Поэтому рассмотримъ обученіе и воспитаніе дѣвицъ у тѣхъ и другихъ.

А. Обученіе и воспитаніе дѣвицъ у богатыхъ.

а) Обученіе у богатыхъ. Какъ смотрятъ на обученіе? Зачѣмъ, по мнѣнію большинства, нужно учить дѣвицъ различнымъ предметамъ? — Затѣмъ, отвѣчаютъ, чтобы дѣвица, когда ее стануть вывозить въ свѣтъ, не прослыла необразованной, чтобы умѣла поддержать разговоръ. Сообразно съ такимъ возрѣніемъ на обученіе дѣвицы и отдають предпочтеніе тѣмъ предметамъ, которые болѣе содѣйствуютъ достиженію упомянутой цѣли. Вотъ составъ предметовъ, которые преподаются дѣвицамъ — дочерямъ родителей богатыхъ и которые мы расположимъ по степени признанной въ этомъ классѣ важности ихъ въ цѣль женскаго воспитанія: французскій языкъ, музыка, законъ Божій, русская словесность и чистописаніе, географія, исторія, ариѳметика, нѣмецкій языкъ. Само-собою разумѣется, что также и отчасти руководѣля составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ занятій дѣвицъ.

Объемъ, въ которомъ преподается каждый изъ показанныхъ предметовъ, условливается признаніемъ относительной ихъ важности въ дѣлѣ воспитанія дѣвицы и пространствомъ времени, которое отмѣривается родителями на образованіе дочерей. Вообще существуетъ мнѣніе, что дѣвицъ, послѣ того какъ ей исполнится 16-ть лѣтъ, неприлично учиться; ибо ей тогда нуж-

но выѣзжать въ свѣтъ. И потому показанные предметы преподаются въ такомъ объемѣ:

Французскій языкъ. Желаютъ, чтобы дѣвица говорила по-французски. Коль-скоро она доходить до такой степени совершенства въ знаніи этого предмета, что въ состояніи поддержать нехитраго содержанія разговоръ, веденный на французскомъ языкѣ и еще въ-добавокъ читать французскіе романы, то обученіе этому предмету оканчивается, и родителямъ ничего больше не остается, какъ только радоваться, созерцая говорящую по-французски дочь; ибо многіе, даже большая часть родителей въ состояніи только созерцать, а не понимать того, что говорится. Для достиженія столь вождельной цѣли, начинаютъ учить дѣвицу французской грамотѣ съ самаго юнѣйшаго возраста, т. е. лѣтъ съ 7-ми, и даже ранѣе, и практикуютъ ее каждый день до полученія желаннаго результата.

Музыка. Подъ музыкаю нужно разумѣть игру исключительно на фортепіано. Желаютъ, чтобы дочь, по окончаніи музыкальнаго образованія, въ состояніи была разучить и исполнить въ присутствіи постороннихъ особъ піесу, признанною миленькою. Изученіе игры на этомъ инструментѣ считается необходимымъ условіемъ эlegantнаго образованія дѣвицы. На изученіе этого предмета опредѣляется урока по три или по четыре въ недѣлю. Что касается до вокальной музыки, то это обстоятельство считаютъ излишнимъ и предоставляютъ таланту къ пѣнію, если онъ имѣется въ дѣвицѣ, развиться самому впослѣдствіи. Да притомъ, сколько намъ извѣстно, у насъ нѣтъ такихъ особъ, которыя бы въ состояніи были образовывать голоса.

На всѣ прочіе предметы удѣляется у насъ въ высшемъ кругу не болѣе четырехъ уроковъ въ недѣлю. Знаніе этихъ предметовъ считается болѣе роскошью въ дѣлѣ воспитанія дѣвицы, нежели необходимымъ для него условіемъ. Въ этомъ случаѣ такъ разсуждаютъ: «я готовлю свою дочь не въ ученыя. Нужно, чтобъ она не молчала въ обществѣ, если случайно зайдетъ рѣчь о чемъ-нибудь въ родѣ ученаго». Поэтому въ остальныхъ предметахъ требуютъ весьма немногаго отъ дѣвицы. Такъ, изъ закона Божія желаютъ, чтобы дочь знала самыя важнѣйшія со-

бытія Св. исторіи и понятіе о Символѣ вѣры и десяти заповѣдяхъ; изъ русской словесности желаютъ, чтобъ она могла сказать что-нибудь о писателяхъ новѣйшаго времени: о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и главнѣйшихъ ихъ послѣдователяхъ, еще пожалуй о Байронѣ, Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гюго (собственно въ г. Перми сочиненія этихъ и другихъ писателей имѣются вполнѣ исключительно только въ гимназической библіотекѣ); изъ географіи требуютъ знанія важнѣйшихъ городовъ, рѣкъ, горъ, морей въ государствахъ; для исторіи выбираютъ самые кратчайшіе учебники и изъ нихъ хотятъ ознакомить своихъ дочерей съ судьбами человѣчества и русскаго народа; изъ ариѳметики желаютъ, чтобы дѣвица знала первую часть. Нѣмецкій языкъ считается въ мнѣніи большей части родителей такимъ предметомъ, безъ котораго можно обойтись, сохраняя репутацію образованнаго человѣка, и, если гдѣ и изучаютъ его, то съ цѣлю выучиться говорить на этомъ нарѣчій. Кромѣ этихъ предметовъ еще желаютъ знать одинъ, который ни въ одномъ порядочномъ заведеніи не составляетъ отдѣльнаго предмета— это миѳологія. Причина жажды этого знанія очень понятна, ибо въ противномъ случаѣ въ обществѣ можно попасть въ ужаснѣйшій просакъ, наименовавъ наприимѣръ, какъ и было однажды, Аполлона императоромъ римскимъ. Вообще надо сказать, большая часть почтеннѣйшихъ родителей нашего высшаго общества имѣетъ или смутныя или отсталыя понятія какъ о существѣ этихъ предметовъ, такъ и объ ихъ значеніи въ образованіи. Нѣкоторые господа пренаивно смѣшиваютъ естественную исторію съ всеобщей, толкуютъ о различіи словесности отъ литературы, стараюсь уяснить, о чемъ это говоритъ словесность и о чемъ литература; на исторію почти повсюду смотрятъ какъ на повѣсть, гдѣ иногда рассказываются пріятныя вещи и которой хорошо бы учиться, если бы не было тамъ много именъ нерусскихъ, а ~~не~~^{какъ} какъ на науку, которая должна научать добродѣтели.

Изъ вышесказаннаго само собою ясно, каковы должны быть пріемы, которые употребляются при обученіи дѣвицъ тому или другому предмету, — или, лучше сказать, у насъ до идеи о томъ,

что при преподаваніи того или другаго предмета нужно употреблять извѣстные приемы, которые въ свою очередь нужно измѣнять, сообразуясь съ возрастомъ, степенью духовнаго развитія и запаса обучаемаго субъекта и другими обстоятельствами,—еще не достигли. Поэтому, между прочимъ, родители совершенно не вступаются въ то, какъ преподають ихъ дочерямъ тотъ или другой предметъ, и въ этомъ случаѣ отдаются на благоусмотрѣніе тѣхъ, кому они успѣли сбыть, конечно за деньги, эти хлопоты образованія. Учитель же въ этомъ случаѣ бываетъ стѣсненъ малымъ количествомъ отмѣреннаго времени, съ которымъ по необходимости долженъ сообразовать свою методу. Но такъ-какъ учителя различны по своему образованію, то и приемы, употребляемые при обученіи дѣвицъ богатыхъ родителей, тоже различны.

Кто же, теперь спрашивается, занимается обученіемъ дѣвицъ въ богатомъ классѣ нашего общества?

1) Учителя гимназій, 2) учителя уѣздныхъ училищъ, 3) домашніе учителя и учительницы и 4) бываютъ учителями и учительницами лица, неподходящія ни подъ одинъ изъ этихъ разрядовъ. Разсмотримъ приемы, какіе употребляются при обученіи дѣвицъ учителями изъ каждаго разряда.

1) Учителя гимназій, конечно, имѣютъ возможность заниматься обученіемъ дѣвицъ только въ губернскомъ городѣ. Да и здѣсь въ весьма немногихъ домахъ поручается обученіе дѣвицъ этого рода наставникамъ. Вообще находятъ, что обученіе дѣвицъ разнымъ предметамъ, кромѣ французскаго языка, не есть дѣло такой важности, чтобы платить за него по цѣлковому за урокъ или болѣе, — и что притомъ этого рода учителя народъ несговорчивый, нужно ихъ самимъ просить, а не то чтобъ учитель самъ явился съ предложеніемъ услугъ. Въ настоящее время только трое занимаются обученіемъ дѣвицъ, и то въ домахъ пяти. Одинъ изъ нихъ даетъ уроки музыки на фортепіано, двое остальные занимаются преподаваніемъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, исключая языковъ.

Всѣ три преподавателя не столько смотрятъ на свое дѣло, какъ на средство набить головы своихъ воспитанницъ разными

свѣдѣніями, сколько при обученіи ихъ имѣютъ въ виду посредствомъ него развить различныя ихъ душевныя силы. Преслѣдуя эту цѣль, они соображаютъ свои занятія съ особенностями природы воспитанницы, условливаемыми ея поломъ, возрастомъ, темпераментомъ, способностями и проч. Говоря частности, подъ ихъ руководствомъ такъ преподаются показанные выше предметы:

Законъ Божій. Если дѣвица еще не достигла 9-ти или 10-ти лѣтняго возраста, то учитель начинаетъ преподаваніе закона Божія съ объясненія молитвы Господней и другихъ, употребляемыхъ нашею Церковію; при этомъ онъ старается воспитанницѣ показать, объ чемъ здѣсь человекъ молится, доказать ей частными примѣрами, почему хоть, на примѣръ, нужно прощать своимъ врагамъ; въ тоже время рассказываетъ свѣдѣніи исторію въ формѣ отдѣльныхъ біографическихъ очерковъ. Устный рассказъ самаго преподавателя продолжается не болѣе четверти часа. Окончивъ рассказъ, преподаватель начинаетъ бесѣду съ воспитанницей, заключающуюся въ живозрѣніи ея рассказаннаго, въ вопросахъ преподавателя, какъ она понимаетъ то или другое мѣсто, то или другое слово, какъ она смотритъ на ту или другую личность. Преподаватель считаетъ лишнимъ выводить изъ каждаго рассказа приличное нравоученіе. Когда умъ дѣвицы достаточно укрѣпляется и становится подготовленнымъ къ систематическому изученію закона Божія, тогда преподаватель начинаетъ проходить въ системѣ исторію Церкви и, разумѣется, сначала ветхозавѣтной. Преподаватель при этомъ не забываетъ двухъ обстоятельствъ, во-первыхъ, что онъ занимается съ дѣвицей, которая притомъ не достигла еще совершеннаго развитія, а, во-вторыхъ, идеи исторіи Церкви; а потому въ наглядныхъ образахъ старается представить эпохи, которыя пережила Церковь. Рассказъ въ библейской простотѣ, въ теченіе 20-ти минутъ, и повтореніе самою ученицею рассказаннаго учителемъ и разъясненіе того, что не усвоивалось, еще въ теченіе 20-ти минутъ—вотъ методъ, которому при этомъ слѣдуетъ преподаватель. Само-собой разумѣется, что преподаватель съ самаго начала урока требуетъ отчета у ученицы

изъ того, что было пройдено въ предыдущій урокъ. Краткость отмѣренного времени побуждаетъ преподавателя съ подробностію останавливаться только на тѣхъ событіяхъ, гдѣ особенно проявилось попеченіе Божіе о вѣрующихъ и которыя особенно характеризуютъ эпоху; таковы, на примѣръ, событія: Авраамъ и его время, Моисей, Гедеонъ, Саулъ и Давидъ, Ахавъ и Илія, Маккавеи и Сирійскіе цари. Послѣ изученія и повторенія ветхозавѣтной исторіи, учитель переходитъ къ преподаванію катихизиса и новозавѣтной исторіи — паралельно. Безконечная любовь, низведшая Сына Божія на землю и двигавшая всѣми Его дѣйствіями, есть средоточный пунктъ, изъ котораго преподаватель исходитъ и къ которому склоняетъ всѣ событія и факты при преподаваніи св. исторіи новаго завѣта. Вообще этотъ отдѣлъ закона Божія преподается по той же методѣ и съ такими же приѣмами, какъ и ветхозавѣтная исторія. Что касается до преподаванія катихизиса, то наставникъ старается объяснить общія положенія и тексты, приводимые въ подтвержденіе ихъ, частностями, ту или другую мысль — представить въ конкретныхъ формахъ; ибо замѣчается, что эти общія положенія и текстъ часто совершенно не понимаются воспитанниками. Исторія церковная, которая заключаетъ собою курсъ закона Божія, преподается въ томъ же духѣ, какъ и священная, но только въ связи съ всеобщею исторіею, дабы такимъ образомъ предотвратить фанатическое презрѣніе къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, которымъ такъ преисполнены иные господа, подробно изучившіе множество фактовъ исторіи Церкви и ея постановленій, но неимѣющіе понятія о развитіи самыхъ обществъ, среди которыхъ жила Церковь и выходили постановленія ея. Здѣсь же объясняется смыслъ учрежденій церковныхъ, употребляемыхъ при богослуженіи.

Русская словесность. Сюда входятъ: русскій языкъ, теорія словесности и исторія русской словесности. Большею частію случается, что преподавателю, приглашенному давать уроки дѣвицъ, приходится уничтожать тѣ вредныя слѣдствія, которыя уже произошли отъ подготовленнаго механическаго изученія сначала азбуки, потомъ грамматики по руководству

Греча или Востокова. Преподаватель видитъ въ словѣ мысль, ея строй и направление. А потому изученіе дѣвицею русскаго языка начинается съ заучиванія ею предварительно объясненныхъ преподавателемъ мѣстъ изъ нашихъ писателей (басни Крылова) и съ анализа предложенія. Последнее обстоятельство повергаетъ почтенныхъ родителей, учившихся въ старые годы, въ немалое удивленіе и недоумѣніе по поводу того, какимъ это образомъ ничего не сказавъ ни о буквахъ, ни объ именахъ существительныхъ и т. д., учительначинаетъ прямо съ синтаксиса. Краткость времени не позволяетъ преподавателю проходить грамматику въ системѣ; все ознакомленіе съ законами и формами языка передается дѣвицѣ въ практическихъ разборахъ; преподаватель бываетъ вполне доволенъ, если его ученица дѣлается способною написать правильно продиктованное мѣсто и слѣвать анализъ какъ синтаксическихъ, такъ и этимологическихъ его особенностей. Этого вожделѣннаго обстоятельства, котораго у весьма многихъ не замѣчается, достигаетъ преподаватель сопоставленіемъ, во время практическихъ упражненій, свойствъ русскаго языка съ свойствами другихъ извѣстныхъ языковъ и преимущественно церковно-славянскаго, который, какъ отдельный предметъ, не входитъ въ кругъ обученія дѣвицъ въ нашемъ обществѣ. Преподаватель приступаетъ къ изложенію словесности, какъ науки, не прежде, какъ по достиженіи выгодныхъ результатовъ по части русскаго языка и другихъ предметовъ общаго образованія, вообще не ранѣе 14-ти лѣтняго возраста учащейся, а до того времени знакомить её съ образцами литературы, указывая въ нихъ только эстетическую сторону. Преподаваніе словесности, какъ науки, идетъ послѣ этого такимъ порядкомъ: прежде нежели преподаватель дастъ дѣвицѣ опредѣленное понятіе о томъ или другомъ родѣ словесныхъ произведеній, онъ прочитаетъ самъ, или ей предложитъ прочитать, какое-нибудь словесное произведеніе этого рода, и потомъ уже обобщаетъ понятіе объ этомъ родѣ; затѣмъ историческое развитіе этого рода у различныхъ народовъ становится предметомъ изложенія преподавателя. Онъ и въ этомъ случаѣ старается ознакомлять свою ученицу съ образцами, при раз-

боръ которыхъ обращаетъ ея вниманіе и на эстетическую сторону произведенія и на историческую, т. е. показываетъ отношеніе произведенія къ жизни народа, изъ среды котораго вышелъ творецъ разбираемаго произведенія, и къ эпохѣ, которая возвысила его голосъ. Такъ проходитъ теорія словесности. При изложеніи исторіи русской словесности, которою заканчивается словесный курсъ дѣвицы, наставникъ не столько обращаетъ ея вниманіе на имена писателей и названія ихъ сочиненій, чѣмъ отличаются наши руководства по этому предмету, сколько старается утвердить въ ея головѣ постепенное развитіе мысли, чувства и стремленій русскаго народа, на сколько это выразилось въ нашемъ родномъ языкѣ. Для этого онъ изъ каждой эпохи беретъ нѣсколько писателей, слѣдовавшихъ различнымъ направленіямъ, прочитываетъ предъ ученицей и разбираетъ по нѣскольку произведеній изъ этихъ направленій, борьбою между которыми опредѣлялось развитіе и условливался характеръ прогресса. Преимущественное однакожъ вниманіе въ этомъ случаѣ оказывается болѣе близкой къ намъ эпохѣ. Къ этому нужно присовокупить, что наставникъ даетъ ученицѣ писать сочиненія. Выборъ тѣмъ опредѣляется такимъ правиломъ, что сначала нужно давать для обсужденія предметы, которые ближе къ намъ, осязательнѣе для насъ, съ которыми мы сталкиваемся постоянно, иногда какъ бы вовсе ихъ не замѣчая (таковы предметы изъ видимой природы: лѣсъ, рѣка, буря, гроза, зима, или изъ обыденной жизни: праздники, письмо къ родителямъ, гулянья и проч.), а потомъ постепенно переходить къ предметамъ болѣе отдаленнымъ, болѣе сложнымъ и наконецъ доходить до тѣхъ, содержаніемъ которыхъ служатъ неистощимыя силы и богатства человѣческаго духа (сюда относятся: изложеніе историческихъ событій на основаніи какого-нибудь руководства, разборъ произведеній словесности, изложеніе содержанія того или другаго прочитаннаго сочиненія и проч.). Большею частію однакожъ наставникъ самъ, особенно на первыхъ порахъ этой самостоятельной работы дѣвицы, показываетъ тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ нужно разсматривать предметъ.

Географія. Все стараніе наставника, при преподаваніи это

го предмета, клонится къ тому, чтобъ ученица его знала по-крайней-мѣрѣ общее въ немъ; а о подробностяхъ изложенія характера той или другой страны нельзя и думать, т. е. принимая во вниманіе количество времени, которымъ можно располагать, и господствующій взглядъ на этотъ предметъ; наставникъ очень долженъ быть доволенъ, если его ученица въ состояніи будетъ показать особенности каждой части свѣта и такимъ образомъ разумно-сознательно отличить Европу отъ Азии или Африки. Для достиженія этой цѣли, онъ развѣртываетъ предъ ученицей карту и ведетъ ее по странѣ, указывая и объясняя ей особенности въ отношеніи устройства поверхности, климата, царства растительнаго и животнаго, съ представленіемъ всего этого въ наглядныхъ образахъ посредствомъ рисунковъ; если таковыя имѣются въ городѣ; потомъ переходитъ къ народу, который населяетъ страну, говоритъ о его происхожденіи, вѣрѣ, обычаяхъ, устройствѣ общественнаго и семейнаго быта. Этотъ пунктъ, т. е. политическая географія, составляетъ наибольшую трудность для ученицы. Отъ заучиванія номенклатуры преподаватель старается по возможности избавить ученицу. Для лучшаго впечатлѣнія въ памяти фізіономіи страны, иногда, впрочемъ за недостаткомъ времени весьма рѣдко, читаетъ отрывки изъ путешествій. Руководство, принятое при изученіи этого предмета,—книга Ободовскаго.

Исторія проходитъ по возможно краткимъ учебникамъ. Ее проходятъ болѣе изъ приличія или снисходительнаго покровительства къ этому предмету, чѣмъ по сознанію необходимости изученія его для образованія дѣвицы. Отъ добросовѣстности преподавателя уже зависитъ оживить, хоть сколько-нибудь, мертвыя строки учебника. Преподаватель въ этомъ случаѣ поступаетъ такъ: останавливается на какой-нибудь важной эпохѣ, проходить ее по тѣмъ же приемамъ, по которымъ преподаетъ подобныя же эпохи въ Св. исторіи. Прочее же заставляетъ учить по учебнику, объясняя по временамъ непонятныя для ученицы термины, слова или отношенія, и тѣмъ конечно практикуетъ память своей слушательницы и возбуждаетъ, если не отвращеніе къ предмету, то холодность.

Музыка. Г. В...., занимающийся обученіемъ нѣкоторыхъ дѣвицъ игрѣ на фортепіано, уже болѣе двадцати лѣтъ самъ изучаетъ музыку, стараясь усвоить себѣ идею, положенную въ основаніе той или другой піесы, прочувствовать ее. Подобное же направленіе онъ старается передать своимъ ученицамъ, которыхъ у него въ настоящее время до 5-ти; тѣмъ болѣе старается онъ объ этомъ, что такой способъ обученія музыкѣ есть единственное, по его мнѣнію, средство сдѣлать ее благотвѣльно дѣйствующею на развитіе чувства ученицы и возбудить въ ней любовь къ этому предмету. Ибо, по его замѣчанію, многія, которыя выучились играть нѣсколько вальсовъ, полекъ и закончили тѣмъ свое музыкальное образованіе, по выходѣ замужъ бросаютъ заниматься музыкою и оставляютъ рояль запертымъ, доколѣ не подрастутъ дочери... Для достиженія этой цѣли, онъ съ самаго начала старается показать дѣвицѣ взаимное отношеніе звуковъ, смыслъ каждаго сочетанія ихъ и, научая такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ незамѣтно механизмъ пальцевъ. Потомъ, когда переходитъ къ обученію выполненія піесъ, то всегда старается выбирать композиціи не эффектныя, нѣжащія только слухъ, но запечатлѣнныя присутвіемъ мысли и проникнутыя живымъ чувствомъ. Прежде нежели однакъ же онъ дозволитъ своей ученицѣ выполнять піесу того или другаго композитора, онъ непременно сообщитъ ей какъ вообще о направленіи таланта его, объ особенностяхъ его композиціи, объ отношеніи его къ другимъ композиторамъ, такъ въ особенности объяснить мысль той піесы, которую предлагаетъ разучить. Сколько намъ извѣстно, изучавшія музыку подъ его руководствомъ лучше знакомы съ этимъ дѣломъ въ сравненіи съ другими особами прекраснаго пола, получившими въ Перми музыкальное образованіе, и болѣе имѣютъ охоты къ нему. По нашему впрочемъ мнѣнію, Г. В.... дѣлаетъ ошибку, выбирая для своихъ ученицъ почти исключительно классическія композиціи, и оставляя безъ вниманія тѣ, въ которыхъ переданы русскіе родные мотивы. Также намъ кажется, не мѣшало бы ему знакомить своихъ ученицъ съ композиціями церковными, изъ которыхъ нѣкоторыя соединяютъ въ себѣ вмѣстѣ съ простотою ка-

кую-то высокую торжественность и невольно располагают душу къ религиозному благоговѣнію.

2) *Учители уѣздныхъ училищъ.* Этого рода педагоги приглашаются иногда къ обученію дѣвицъ зажиточными людьми въ уѣздныхъ городахъ или заводахъ, вообще уѣздною аристократіею. Въ губернскомъ городѣ одинъ только изъ уѣздныхъ учителей занимается обученіемъ дѣвицъ въ высшемъ нашемъ кругу и то едва-ли не самымъ элементарнымъ понятіямъ. Надобно впрочемъ сказать, что этотъ человѣкъ едва-ли не самый достойнѣйшій между своими собратами въ Пермской губерніи, сколько по своему образованію, полученному въ Г. Институтъ, столько по долговременности своей честной практики. У насъ подъ руками письменные отзывы всѣхъ такого рода учителей о томъ, какихъ каждый изъ нихъ держится приѣмовъ при преподаваніи своего предмета. Перечитывая эти бумаги, мы по своему разумнію нашли, что болѣе свѣтлыхъ и живыхъ воззрѣній на свое дѣло имѣеть Г. С... Вообще его приемы подходятъ къ тѣмъ, которые употребляютъ учителя гимназій при обученіи дѣвицъ и о которыхъ мы имѣли случай сказать. Прочіе, занимающіеся въ уѣздныхъ городахъ этимъ дѣломъ, какъ видно, въ своихъ занятіяхъ слѣдуютъ той путеводной звѣздѣ, которая указывается учебникомъ уѣзднаго училища. Надо сказать впрочемъ правду, что очень рѣдко поступаютъ въ учителя уѣздныхъ училищъ отлично окончившіе курсъ въ гимназій, а окончившіе курсъ въ высшемъ какомъ-нибудь заведеніи, — никогда. Какъ низко смотрятъ на это званіе, это можно видѣть между прочимъ изъ того, что нѣкоторые господа ищутъ мѣста уѣзднаго учителя для избѣжанія рекрутской повинности, — фактъ, котораго мы сами были невольными свидѣтелями. Поэтому вообще поступаютъ въ званіе уѣздныхъ учителей лица, которыя не чувствуютъ себя способными составить болѣе лучшей карьеры въ свѣтъ. Да и добросовѣстный учитель, если бы даже дѣйствительно желалъ, не имѣеть никакихъ средствъ развиваться далѣе, и потому по необходимости остается съ тѣмъ же запасомъ свѣдѣній, съ тѣмъ же взглядомъ на вещи вообще и по преподаванію въ особенности, которые вынесъ изъ гимназій или

семинаріи. Онъ даже мало-по-малу забываетъ и то, съ чѣмъ вышелъ изъ заведенія, и знаетъ только кругъ своей дѣятельности, т. е. учебникъ. Правда, и учебникъ можно употребить съ пользою для учащихся, разъясняя помѣщенные въ немъ факты, упрощая ихъ для сознанія маленькихъ слушателей и сопоставляя ихъ съ обыденными явленіями жизни; но для всего этого нужно педагогическое приготовленіе, котораго совершенно лишены учителя уѣздныхъ училищъ. Если онъ долговременною опытностію или посредствомъ чтенія дойдетъ до болѣе ведущихъ къ цѣли образованія приѣмовъ и пожелаетъ ихъ примѣнить къ дѣлу: то, увы! при воспитаніи дѣвицъ онъ встрѣчаетъ много препятствій, преодолѣть которыя не всегда и не у всякаго хватитъ духа, энергіи. Эти препятствія условливаются тѣмъ положеніемъ въ обществѣ, которымъ пользуется уѣздный учитель. Приглашая его давать уроки своей дочери, чадолюбивые родители воображаютъ (впрочемъ не безъ основанія), что они дѣлаютъ услугу ему, даютъ хлѣбъ и потому осаждаютъ бѣднаго убійственнымъ покровительственнымъ видомъ. Сознавая себя неизмѣримо выше какого-нибудь учителя, трудящагося изъ-за полтинника, они считаютъ себя въ правѣ давать ему совѣты относительно того, какъ слѣдуетъ обращаться при обученіи съ ихъ благовоспитанною дочерью, на что при преподаваніи обратить особенное вниманіе, — совѣты, иногда поражающіе превратностію понятій вообще и о дѣлѣ воспитанія въ особенности. Скажите, что тутъ дѣлать учителю, который хотѣлъ бы примѣнить новыя педагогическія идеи въ воспитаніи? Высказать ихъ родителямъ? да избави Боже! Вольнодумцемъ прослывешь, гордецомъ, неспособнымъ быть въ порядочномъ обществѣ и лишишься кондиціи. А послѣднее обстоятельство не шутка. У учителя жена, дѣти; жалованье малое. Ну, говорилъ одинъ изъ такихъ педагоговъ, бросишь все, учишь какъ хотятъ; да почаще похваливай ученицу.... и прекрасно. Впрочемъ подобное вмѣшательство въ занятіе учителя со стороны родителей есть только исключеніе; а большая часть родителей совершенно равнодушны относительно того, какимъ приѣмамъ слѣдуетъ учитель ихъ дочери. Соображая все это, мы приходимъ къ заключенію, что приемы, употре-

бляемые увѣднымъ учителемъ, суть болѣе механическіе, чѣмъ разумныя, т. е. учебникъ пройденъ съ приличными выpusками изъ доски въ доску,—и кончено. Потомъ начинается въ головѣ дѣвицы пріятный процессъ забвенія всѣхъ этихъ рѣкъ, морей, царей и проч. Такимъ порядкомъ проходятъ законъ Божій, русскій языкъ (русскую словесность не проходятъ вовсе), ариѳметику, а если время остается—то географію и исторію.

3) *Домашніе учителя и домашніе учительницы.* Въ настоящее время таковыхъ особъ находится въ Пермской губерніи только до 10-ти, какъ видно изъ представленныхъ ими въ дирекцію отчетовъ о занятіяхъ. Изъ нихъ одинъ занимается преподаваніемъ нѣмецкаго языка, одинъ—лѣсоводства, четверо—обученіемъ русскому языку и ариѳметикѣ; четыре домашнія учительницы занимаются обученіемъ музыкѣ, танцамъ, рукодѣльямъ, новѣйшимъ языкамъ—преимущественно французскому, и другими учебными предметами. Большая часть домашнихъ учительей получили право на обученіе чрезъ экзаменъ въ гимназіи и утверждены въ званіи попечителемъ округа. Домашнія же учительницы вышли съ этимъ правомъ изъ казенныхъ воспитательныхъ заведеній. Въ нашихъ рукахъ были отчеты этого рода педагоговъ, представляемые ими ежегодно директору училищъ. Изъ этихъ отчетовъ, частію изъ собственныхъ нашихъ наблюденій, частію изъ разсказовъ другихъ лицъ мы извлекаемъ тѣ черты, которыя характеризуютъ дидактику, или тѣ приемы, которые употребляютъ эти лица при обученіи дѣвицъ.

Французскій языкъ, какъ мы уже сказали, считается самымъ необходимымъ предметомъ при воспитаніи дѣвицы. Обученіе этому языку совершается преимущественно подъ руководствомъ домашнихъ учительницъ, и совершается такъ:

Едва дѣвица начинаетъ говорить, какъ почтенные родители стараются пріучить ее къ пріятнымъ звукамъ французскаго діалекта. Съ этою цѣлію они обращаются къ ней на этомъ діалектѣ, коль-скоро дѣло касается обыкновенныхъ житейскихъ предметовъ и обстоятельствъ; такъ напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сказать: иди сюда — говорятъ: *venez ici, ma chère* и проч. Такимъ образомъ каждая дѣвица, поступающая подъ ферулу гу-

вернантки, бываетъ хотя немножко ознакомлена съ пріятностію звуковъ французскаго языка. Гувернантка заставляетъ дѣвицу выучивать отрывки французскіе, большею частію стихи, говорить съ ней на этомъ языкѣ, разумѣется на сколько дозволяетъ запасъ словъ, сдѣланный ученицею, исправляя ее въ случаѣ грубыхъ ошибокъ. Такъ проходитъ года два или три, и тогда, когда дѣвица достаточно пріобыкнетъ въ произношеніи quasi съ парижскимъ акцентомъ, ее сажаютъ за грамматику, по руководству г. Нукé, и заставляютъ переводить съ французскаго языка на русскій и обратно. Нужно здѣсь замѣтить, что изученіе французской грамматики, равно и переводы для усовершенствованія въ этомъ языкѣ производятся очень часто гораздо ранѣ изученія другихъ предметовъ и между прочимъ русскаго языка. Но, кажется, невѣдѣніе этихъ предметовъ и даже русскаго языка не считается помѣхою для изученія французскаго діалекта. Такъ у одной домашней учительницы въ отчетѣ читаемъ: дѣвица N 6-ти лѣтъ:—изъ географіи обзорніе всѣхъ частей свѣта; изъ русской грамматики до имени прилагательнаго; переводъ съ французскаго на русскій и обратно.

Само-собою разумѣется, что при такомъ возрѣніи на языкознаніе, при переводѣ съ французскаго языка на русскій вовсе не имѣется въ виду сличенія этихъ двухъ языковъ, показаніе строя мысли и направленія образованности русскаго и француза, на сколько все это отразилось въ словѣ; напротивъ, переводъ, дѣлаемый ученицею и, можетъ быть, гувернанткой, есть страдательный только процессъ безсознательнаго переложенія съ одного языка на другой при помощи словаря. вмѣстѣ съ упражненіями въ переводахъ идетъ усердное упражненіе въ разговорѣ. Гувернантка съ своими ученицами не иначе изъясняется, какъ только по-французски; до литературы французской никогда не касаются.

Музыка есть тоже такого рода предметъ, преподаваніе котораго предоставляется преимущественно гувернанткѣ. Учатъ на фортепіано, стараясь, кажется, сначала развитъ ловкость пальцевъ и граціозность сидѣнія за инструментомъ. Послѣ изученія музыкальной азбуки начинается выучиваніе піесъ по вы-

бору гувернантки. Къ такимъ піесамъ принадлежатъ тѣ, о которыхъ говорятъ: ахъ, какая миленькая піеса!—какъ-то: польки, гагопы, романсы. Впрочемъ, надо сказать, нѣкоторыя домашнія учительницы заставляютъ разучивать своихъ ученицъ и такъ-называемыя классическія піесы—изъ Бетховена, Тальберга, Шопена и проч.

Нѣкоторые домашніе учителя и домашнія учительницы преподають и учебные предметы, какъ-то: законъ Божій, русскій языкъ, исторію, географію и нѣмецкій языкъ (не вездѣ онъ преподается) и ариметику. Приемы, употребляемые ими при обученіи дѣвицъ этимъ предметамъ, указуются самими учебниками, а учебники избираются для этой цѣли самые краткіе; т. е. дѣло въ томъ: пройденъ учебникъ отъ начала до конца, значитъ, этотъ предметъ въ сторону. Чтобы здѣсь нагляднѣе представить способы преподаванія, употребляемые этими педагогами при обученіи дѣвицъ, я выпиcываю буквально отчеты нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые, не смотря на всю свою краткость, хорошо обнаруживаютъ возрѣніе авторовъ своихъ на дѣло обученія.

Возрастъ ученицъ.

Чему обучались.

дѣвица N 12 лѣтъ. *Географія*: прошла воду и сушу.

— N 8 — *Грамматика*: о грамматикѣ вообще и о раздѣленіи оной. Словопроизведеніе. О буквахъ, слогахъ и о раздѣленіи оныхъ, объ именахъ существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ.

— N 8 — Изъ русскаго языка: чтеніе и письмо, а изъ грамматики пройдено до глагола.

— N 15 }
— N 14 } лѣтъ. Пройдено и повторено: словосочиненіе и синтаксическій разборъ. Россійская географія Ободовскаго. Всеобщая исторія: до 3-го періода римской имперіи; изъ русской исторіи до освобожденія татарскаго. Сверхъ того учащіяся излагали на бумагѣ объясняемое

имъ изъ русской исторіи, переводя въ тоже время это и на французскій языкъ; чрезъ это событія отечества нашего крѣпче удерживались въ ихъ памяти, постоянно приучались къ изложенію на бумагѣ сначала хотя заимствованныхъ мыслей и болѣе знакомились съ французскимъ языкомъ (вотъ это значить однимъ камнемъ двухъ воробьевъ убить).

— N 12
— N 14
— N 9

Пройдено: краткая Священная исторія съ необходимыми нравоченіями изъ каждаго событія. Изъ географіи: пять частей свѣта Тимаева. Сверхъ того писали подѣ диктовку на французскомъ и русскомъ языкахъ; переводили на французскій и русскій языкъ съ должнымъ грамматическимъ разборкомъ.

Можно бы было сдѣлать еще нѣсколько выписокъ, но все подобныя отчеты въ этомъ же родѣ, т. е. отличаются неопредѣленностію въ выраженіяхъ, нерѣдко погрѣшностями противъ правописанія и смысла, показываютъ, вмѣстѣ съ похвальнымъ стремленіемъ упростить для ученицы предметъ, сбивчивое пониманіе самихъ предметовъ и совершенное отсутствіе педагогической сноровки.

Кромѣ этихъ предметовъ, на домашней учительницѣ лежитъ обязанность научить различнаго рода рукодѣлю: сюда относится искусство шить по канвѣ, знать моды, вязать кошельки, подушки и прочіе сюрпризы, — искусство, которое такъ портитъ зрѣніе. Что употребляется для ознакомленія двѣицъ съ этимъ дѣломъ учительницами, мы не знаемъ.

4) *Другія лица, занимающіяся обученіемъ двѣицъ у людей богатыхъ.* Сюда относятся унтеръ-офицеры — учителя въ школахъ кантонистовъ, уволенные изъ службы чиновники, болѣею частью по М. Н. П., и ищущіе средствъ къ пропитанію себя, и двѣицы, дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, неимѣ

юція офіціального права на обученіе и живущія подъ видомъ нянекъ, родственницъ, экономокъ и проч., но все же обучающія дѣвщцы. Все эти лица, за исключеніемъ весьма немногихъ, имѣютъ знанія весьма жалкія, понятіе о воспитаніи Богъ-вѣсть каю, и приглашаются въ дома нѣкоторыхъ нашихъ богатей или аристократовъ, вѣроятно, по той причинѣ, что они гораздо дешевле стоятъ, нежели вышепоказанные разряды. Мы полагаемъ, что они не въ состояніи поставить дѣвицу и на ту невысокую степень образованія, которую имѣетъ въ виду большая часть родителей, воспитывающихъ своихъ дочерей, и о которой мы въ своемъ мѣстѣ упомянули. Намъ говорили, не знаемъ правда ли это, что одна изъ такихъ особъ на вопросъ воспитанницы, что такое механика, отвѣчала: это, душенька, есть наука, которая учитъ дѣлать мѣха. Распространяться далѣе о томъ, какъ и чему учать нашихъ богатыхъ дѣвицъ эти господа и госпожи, мы не имѣемъ терпѣнія и твердости духа; потому что намъ бы пришлось раскрывать только такія вещи, которыя стоятъ въ совершенномъ противорѣчій съ обученіемъ мало-мальски похожимъ на разумное.

Мы разсмотрѣли обученіе дѣвицъ у людей богатыхъ въ нашемъ обществѣ и приходимъ къ тому заключенію, что оно не можетъ исполнѣе содѣйствовать достиженію той цѣли, къ которой должно стремиться воспитаніе дѣвицы, и о которой мы упомянули при разборѣ статьи г. Камкова.

Правда, скажетъ пожалуй кто-нибудь, наши дѣвицы не ученыя, если учены, то не такъ какъ бы слѣдовало. Да нѣтъ средствъ для истинно-хорошаго обученія; радъ бы въ рай, да грѣхъ не пускаютъ. Да съ другой стороны, на что слишкомъ много учиться дѣвицъ? Была бы она добра, честна, сдѣлалась бы въ послѣдствіи хорошею матерью и женою, — и прекрасно будетъ; а ужъ родители, конечно, захотятъ видѣть свою дочь такою и постараются воспитать ее въ добрыхъ правилахъ. Все это до нѣкоторой степени пожалуй справедливо; да эта ли полноцѣльнъ, которую имѣютъ въ виду при воспитаніи дѣвицы? Не скрывается ли божье узкой цѣли подъ этими громкими словами? Посмотрѣмъ однакожъ, какъ совершается воспитаніе дѣви-

цы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, или нравственное воспитаніе въ этомъ кругу общества.

Конечно, главные воспитатели дѣтей и слѣдовательно дѣвицы суть сами родители, а потомъ тѣ, которые вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ замѣняютъ въ этомъ дѣлѣ родителей. Какъ же теперь воспитываютъ сами родители своихъ дочерей?

Родится дочь. Сейчасъ прискиваютъ кормилицу или такъ безъ всякой основательной причины, или по причинѣ болѣзни матери; въ помощь ей командируютъ няньку. Родители хлопчутъ, чтобы ребенокъ былъ здоровъ и ничего не жалуютъ для этого: дитя раскритится, сейчасъ за докторомъ; бѣлье всегда на ребенкѣ свѣжее; отдается строжайшій приказъ какъ можно опрятнѣе держать дитя. Проходитъ недѣль 10-ть послѣ рожденія ребенка, вышеизложенныя приказанія со стороны родителей повторяются; дѣвочка между тѣмъ растетъ и вотъ наконецъ начинается ползать. Родители часто ревизуютъ свою дочь, награждаютъ поцѣлуями и конфектами; а прочее все? Это—ужъ дѣло няньки и кормилицы. А тѣ по своему возрѣнію исполняютъ возложенное на нихъ дѣло. Дитя раскритится;—пусть кричитъ, перестанетъ; вѣдь родителей нѣтъ дома, или у нихъ гости. Но вотъ педагоги слышали, что кто-то идетъ въ дѣтскую: кормилица суетъ въ ротъ дитяти свое орудіе; а если ребенокъ случится при этомъ на рукахъ няньки, то она вдругъ начинаетъ качать его или на рукахъ или въ колыбели до головокруженія, припѣвая при этомъ разныя пріятныя вещи, предварительно однакожъ изругавъ ввѣренный ей субъектъ различными именами въ родѣ чорта, стервы и проч., и нерѣдко давъ ему почувствовать впечатлѣніе, произведенное ея рукою. Нѣтъ; никто нейдетъ; уснула; пойдѣмъ, подруга, въ кухню, говорить одна другой. Ребенокъ спитъ, поверженный въ одурѣніе усерднымъ качаніемъ; родители заняты; замѣнившіе ихъ мѣсто въ дѣлѣ воспитанія дочери на кухнѣ или другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ въ пріятной бесѣдѣ съ кучерами, лакеями. Весело, право. Слышишь ты, говоритъ нянька кормилицѣ, кричитъ; ступай, корми! — Сама ступай! Начинается перебранка, долженствующая рѣшить, кому идти и унять барышню. Побѣжденная

съ грустію идетъ, придумывая однакожь, что сказать, если спросятъ, зачѣмъ оставила ребенка. Но придумываніе это оказывается напраснымъ; крикъ ребенка ни чѣе не обратилъ вниманіе. Кормилица беретъ дитя и несетъ въ то мѣсто, откуда вынуждена была удалиться. Странное дѣло! говорятъ чадолюбивые родители, наша Мери все хвораетъ кажется; а мы прилагаемъ все стараніе, чтобъ она была здорова, и какая хорошенькая и понятливая! Право, такъ неприятно.

Уже лѣтъ 6-ть минуло дочери; уже нѣсколько разъ она получала отъ своихъ родителей и ближнихъ ихъ знакомыхъ въ день своего рожденія и ангела въ подарокъ конфекты; уже прекрасно она умѣетъ дѣлать реверансъ и знаетъ при какомъ случаѣ поцѣловать руку нѣжныхъ маменьки и папѣ, кое-что знаетъ по французски, уже давно носитъ короткое платьице, узкіе башмаки, и какъ любитъ добрыхъ родителей! Ахъ, какая миленькая, хорошенькая, восклицаетъ какой-нибудь пріятный мосѣ, домашній человекъ, и цѣлуетъ ручку у этой миленькой. Да жаль, что она у насъ немного все прихварываетъ. Ахъ, помилуйте! это ужасно! почти съ изступленіемъ вопіетъ услужливый мосѣ; вы, вѣрно, пускаете ее часто гулять; погода теперь сѣверная; нынѣ къ-томужь повѣтріе — кашель; долго ли простудится этому нѣжному, миленькому созданію. — Нѣтъ; какъ же; вѣдь мы ее бережемъ; очень рѣдко дозволяемъ ей прокатиться. Мы сегодня были въ церкви; ахъ, душенька! я хотѣла тебѣ сказать, что ты не умѣешь держать себя; вообразите мосѣ, постоянно оборачивается и не крестится. — *A propos!* Вы видѣли въ церкви офицера, который недавно пріѣхалъ? Вы не замѣтили, какъ онъ кланяется? Какой оригиналь! — Я сейчасъ къ нему ѣду, визитъ заплатить нужно, тутъ замѣчаетъ родитель, который до-сихъ-поръ былъ углубленъ въ раскладываніе гранъ-пасьянса или другое подобное высокое занятіе; этотъ мерзавецъ Пашка, кучеръ, вѣчно не приготовитъ лошадей, когда велишь. — Знаете ли, между тѣмъ продолжаетъ мать, что этотъ офицеръ всю объдню не сводилъ глазъ съ Б? Не находите ли: у ней дурной вкусъ? — Шляпка, прическа! Да говорятъ.... Ступай душенька въ свою комнату, говорить тутъ мать, обращаясь къ своей дочери

Мама! вы общали мнѣ шляпку. Скоро будетъ? А конфеты еще?—Ну хорошо, иди! послѣ. А теперь чтожь? Вотъ тамъ онъ... Мать вынимаетъ конфетъ, даетъ ихъ дочери, и та въ радости бѣжитъ въ дѣтскую. Прерванный разговоръ возобновляется. Не проходитъ двадцати минутъ, какъ прибѣгаетъ горничная съ извѣстіемъ, что барышни дурно. Мать мѣняется въ лицѣ, быстро бѣжитъ въ дѣтскую и немедленно посылаетъ за докторомъ. Господи! думаетъ оставшійся одинъ мосѣй, сколько любви къ дочери въ этой женщинѣ, и уходитъ въ такихъ пріятныхъ размышленіяхъ, простившись съ мужемъ этой чадолюбивой матери, который между тѣмъ переругалъ слугъ и уже высчитываетъ, гдѣ будетъ вечеромъ играть въ карты.

Нѣтъ уже это ни на что не похоже, говоритъ возвращающаяся мать своему мужу; эти негодные люди никогда не поберегутъ ребенка; вообрази: докторъ говоритъ, маленькое воспаление въ желудкѣ; должно быть отъ сквознаго вѣтра. Надобно нанять гувернантку; ты спроси у Д. откуда бы выписать, да чтобы такую, которая бы знала по-французски и на фортепіано; вѣдь онъ выписывалъ. Ну, отлегло отъ сердца. А что мы поѣдемъ уже къ С... Родители уѣзжаютъ; дочь остается подъ присмотромъ горничныхъ. Весьма чадолюбивый народъ—это поколѣніе; всегда найдетъ, чѣмъ занять ребенка; чего не расскажетъ ему, начиная отъ Ивана Царевича и оканчивая чувствительнымъ повѣствованіемъ о своей любви! Дѣвочкѣ все это ново; все ее занимаетъ. Пируйте родители; вашей дочери веселій вашего.

Пріѣзжаетъ гувернантка; ей подѣ 30-ть лѣтъ, хотя она и говоритъ, что ей 25-й. Начинается систематическое воспитаніе дочери. Ее начинаютъ учить, какъ держать руки, какъ смотрѣть, какъ кому кланяться, какъ съ граціею танцовать; учать по-французски, музыкѣ. Но дѣло идетъ плохо; гувернантка оказывается весьма капризной дѣвой, злой особой, которой ничѣмъ нельзя угодить. Нужно другую. Пріѣзжаетъ молоденькая, только что выпущенная изъ института. Смотри, душенька, говорятъ родители своей дочери, учись, чтобы не даромъ платили гувернанткѣ деньги. Будешь учиться, мы тебѣ

Будем дарить конфеты, купим новую шляпку. Знаешь ли душа моя? говорить дочтённый отецъ семейства подругъ дней своихъ, мамзели-то куда какъ хочется замужъ! Да вообрази, какая гордая ... и пошла писать; а дочь все слушаетъ. И вырастаетъ дочь. Ей скоро шестнадцать. Ей передано все, чѣмъ можно правиться; ей гувернантка читала стихи, въ которыхъ воспѣвается любовь; она знаетъ, кто интереснѣе изъ мужчинъ въ городъ. Да чего она не знаетъ! Намъ кажется, этотъ нашъ общій очеркъ можетъ нѣсколько показать, какихъ принциповъ у насъ держатся въ кругу богатыхъ, при нравственномъ воспитаніи ребенка. Дѣйствительно подумаешь: нѣкоторые родители отъ чистаго сердца говорятъ, что они хотятъ воспитать въ своей дочери хорошую мать и добрую жену, развить въ ней гармонически всѣ ея силы. Но, увы! или они по своему понимаютъ эту цѣль воспитанія, или недостатокъ энергіи и сознанія всѣхъ средствъ для ея выполненія мѣшаетъ ей осуществиться, а только она никогда не достигается. На первомъ планѣ конечно стоитъ попеченіе родителей о нормальномъ развитіи физическихъ силъ дѣвочки; ибо всякой понимаетъ, что безъ здоровья дѣло плохое. Но не всякой понимаетъ, что для укрѣпленія силъ дѣвочки мало удаленія ея отъ всего того, что можетъ повредить здоровью отъ холода, отъ такъ-называемой простой пищи. Всякая сила дѣлается крѣпче только тогда, когда она выдерживаетъ напоръ другой силы, когда она приходитъ въ напряженіе, неразслабляющее ее. Теперь, вы удаляете силы физическія ребенка отъ всего, что можетъ расслабить ихъ; ребенокъ вашъ здоровъ, но только дотолъ, доколъ нѣтъ около него этихъ противодействующихъ силъ, отъ которыхъ вы его удаляете. Но развѣ можно всегда удалять ихъ? развѣ можно уберечься отъ вѣтра? развѣ дитя не наѣдается конфетъ? Да развѣ, наконецъ, можно всегда съ вѣрностію опредѣлить, откуда послѣдуетъ испытаніе для силъ ребенка? Развѣ не вредно для него качать его въ колыбели? Заботьтесь такимъ образомъ о здоровьи вашей дочери, и вы можете быть увѣрены, что она въ одинъ прекрасный вечеръ въ тонкихъ ботинкахъ пройдетъ по холодному полу и сляжетъ въ постель. Воспитывайте вашу дочь такимъ

образомъ, и вотъ у вашей дечери постоянно болятъ зубы, постоянно флюсы, а тамъ смотрите, отъ чего она такъ блѣдна и вяла, и вамъ страннымъ кажется, а между-тѣмъ это вовсе не странно.

Многіе родители понимаютъ, что отъ ребенка нужно скрывать до времени всю мелочь обстоятельствъ, всю грязь, въ которой подъ-часъ вращается наша жизнь, для того, чтобы не очернить, не раслабить еще неутвердившейся нравственной крѣпости его силъ; поэтому считаютъ нужнымъ не говорить при дочеряхъ о нѣкоторыхъ вещахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сами не всегда воздерживаются отъ разглагольствованія при нихъ о томъ, что имъ было бы гораздо лучше до поры, до времени не знать. Это конечно въ большей части случаевъ происходитъ оттого, что не всѣ родители выясняли для своего сознанія истинные принципы, не всѣ создали настоящіе идеалы добра и зла; потому не удивительно, что иные при своихъ дочеряхъ позволяютъ себѣ дурно отзываться о другихъ, ругать своихъ людей, допускаютъ дочери находиться подъ ферулою горничныхъ, которыя конечно не замедлятъ сообщить ей, въ совершенной невинности сердечной, т. е. съ полнымъ сознаніемъ, что это такъ слѣдуетъ,—многое, на чтѣ такъ падка человѣческая слабость. Многіе родители, чувствуя себя не въ силахъ посвятить всецѣло дѣлу воспитанія дочери, стараются замѣнить ей себя гувернантками. Сознавая необходимость этого, немногіе однакожъ ссознаютъ, что между гувернанткой и ея воспитанницей должны существовать по возможности такія же отношенія, какія существуютъ между матерью и дочерью, т. е. что эти отношенія должны быть основаны на любви съ одной стороны, на любви и уваженіи съ другой. Безъ этого условія самыя благородныя стремленія въ дѣлѣ воспитанія будутъ совершенно напрасны. Доказывать эту мысль было бы излишне. Но всегда ли имѣютъ наши гувернантки эти условія?

Что такое гувернантка? Выходитъ она изъ какого-нибудь института; она молода и неопытна; она жила до-сихъ-поръ въ четырехъ стѣнахъ, слыхала объ удовольствіяхъ, которыя расточаетъ свѣтъ, о свѣтской жизни, о балахъ, нарядахъ, тан-

цахъ и прочъ; ей естественно давно бы хотѣлось испробовать все эти удовольствія. Ну, слава Богу! она кончила курсъ, ее приглашаютъ занять мѣсто домашней учительницы въ провинціи. Ахъ! какъ хорошо, думаетъ она. Пріѣзжаетъ въ назначенный домъ; ей представляютъ дѣвицу, которую она должна воспитывать. Но занимаетъ ли ее эта дѣвица всецѣло? Она, пожалуй, къ ней ласкова, любезна съ нею и та ее тоже любитъ. Да и какъ не любить воспитанницъ своей гувернантки, когда она однихъ почти съ нею лѣтъ, когда болѣе или менѣе одинаковы у нихъ обихъ интересы? Гувернанткѣ хочется отвѣдать пожить тою розовою жизнію, о которой она мечтала въ институтѣ; кажиись эта жизнь ждетъ ее, весело ей улыбается. Но уввы! настаетъ скоро разочарованіе: родители дѣвицы, при которой она въ качествѣ гувернантки, трактуютъ ее, какъ наемщицу, которая изъ-за куска хлѣба живетъ въ чужихъ людяхъ; извѣтъ ее двусмысленными намеками по поводу того или другаго «вырвавшася наружу чувства; при другихъ задѣваютъ ея честолюбіе забвеніемъ объ ея существованіи, явнымъ предпочтеніемъ ей дѣвицъ, которыя, можетъ быть, и хуже и малообразованнѣе ея, а тѣмъ только хороши, что богаты, дочери тузовъ. Дѣвица завѣренная ей, все это видитъ; ей пожалуй жаль своей гувернантки! но уваженія къ ней нѣтъ, ибо молодость еще не способна отрѣшати свои нравственные очи отъ тѣхъ принятыхъ отношеній, на которыхъ держится искусственная жизнь, не способны ими проникнуть чрезъ ту пелену моды, предрасудковъ, вишностей, которая наброшена на общество; ибо молодость смотритъ на все сквозь стекло мнѣній большинства, убѣжденій и дѣйствій среды, въ которую она поставлена. И даромъ проходятъ для воспитанницы подчасъ свѣтлыя, истинною любовію растворенныя мысли и порывы, которыя въ словахъ и поступкахъ своихъ высказываетъ гувернантка, и нестоющимъ вниманіемъ кажется ей все, что иногда человѣческаго, благороднаго, женственнаго вырывается изъ неопозоренной дѣвической груди учительницы, и не дойдутъ до ея сердца эти благородные порывы: между сердцемъ воспитанницы и этими стремленіями ея воспитательницы стоитъ грозная стѣна—мнѣніе обще-

ства, полагающаго, что всего этого не было бы, если бы не платили денегъ. И видитъ себя домашняя учительница одинокой, лишнею среди другихъ; нѣтъ для нея ни отъ кого привѣта: на балахъ, на которыхъ она когда-то мечтала найти столько удовольствія, ее обходятъ, какъ будто ея вовсе нѣтъ здѣсь; жизнь оказывается не такъ ласковою, какъ ей представлялось. А тамъ ей припомнится мать-старуха въ бѣдности, вяжущая чулокъ, или отецъ, сгорбившійся на службѣ. Тоска! ее не съ чѣмъ раздѣлить; только на-смѣхъ поднять ее, если высказать ее; и слезы, горькія слезы разочарованія, досады отъ несбывшагося желанія подступаютъ къ ея глазамъ, а плакать нельзя. Гдѣ же исходъ изъ этого положенія? Замужъ! замужъ! И она поневолю улыбается, становится веселой. Добро, если она хороша и мила, и способна сдерживать всю эту горечь, которая кипитъ въ ея груди и которая, если бы вызвалась наружу, навела бы только скуку на другихъ; она найдетъ себѣ мужа. А что ея воспитанница? Развѣ она не видитъ, что главная мысль ея гувернантки не ея особа, не занятіе съ нею? Развѣ она не видитъ, что ея учительница тоже, какъ и она, и какъ всѣ грѣшныя люди, а она ожидала, естественно, видѣть въ ней нѣчто высшее, чѣмъ обыкновенные люди. Развѣ она не замѣчаетъ всѣхъ этихъ тщательныхъ, иногда щепетильныхъ приготовленій своего ментора къ балу, на примѣръ? Оставшись дома, она ласкаетъ себя мыслию, что вотъ де возвратится гувернантка и много кой-чего ей поразкажетъ. Но бѣда, если Богъ обидѣлъ гувернантку наружностію и не далъ вообще всѣхъ тѣхъ милыхъ качествъ, которыя такъ нравятся въ дѣвицѣ большинству. Ея тайныя желанія—выйти замужъ, не находятъ себѣ исполненія; ей стукнуло 25-ть лѣтъ; лицо ея поблѣднѣло и пожелтѣло; многія изъ ея воспитанницъ уже дамы; а она—все еще гувернантка! И воображенію ея рисуется печальная перспектива дальнейшей жизни, жизни безъ любви, безъ участія, старости безъ ласкъ, и досада подступаетъ къ ея сердцу; она дѣлается капризной, взыскательною, больною, съ разными причудами; воспитанница не терпитъ ея и свою нелюбовь къ ней переноситъ и на все, что только ея, на слова ея, дѣйствія, хотя бы они были полны прав-

ди и неподдѣльной жизни. И развивается ея нравственная сила не такъ, какъ бы слѣдовало, а по той линіи, которая начертана современнымъ обществомъ, среди котораго она живетъ.

Когда такимъ образомъ ни родители неспособны бывають къ истинному воспитанію дочери, по неимѣнію на то времени, что впрочемъ не оправданіе, или по другимъ, можетъ быть, и уважительнымъ причинамъ, ни гувернантки въ силу своего поурчешія въ обществѣ и недостаточности педагогической опытности, то самъ собою удерживается тотъ порядокъ, вслѣдствіе котораго на дѣвицу накладываютъ этотъ пріятный лоскъ, для очей не всякаго закрывающій внутреннюю пустоту. И выходитъ, что издали любо посмотреть на дѣвицу; это повидимому прекрасный цвѣтокъ. — Но это только издали: а приглянитесь хорошенько, попристальцѣй, — и выйдетъ наповѣрку, что этотъ цвѣтокъ полубланный, что красота его скоро увянетъ; выйдетъ наповѣрку, что дѣвица и не такъ здорова, какъ это кажется съ перваго взгляда, что умъ ея занятъ болѣе тѣмъ, что бросается въ глаза, что нѣжить нувства, нежели интересами общечеловѣческими; что она слѣдуетъ по колѣть, проложенной не разсужденіемъ, а модою; что изъ атихъ, повидимому, полныхъ нувства глазъ не смотритъ душа, отдающаяся каждому предмету по его достоинству, но душа съ исключительными стремленіями къ чему нибудь и съ фанатическимъ презрѣніемъ къ остатному, что въ этой дѣвственной груди роются и бунтуютъ стремленія къ корыети, блеску, нувственности. Чтожь выйдетъ изъ этого распускающагося цвѣтка? Гдѣ же въ немъ то благоуханіе, дающее собою увидать челоуѣка, котораго ищетъ воспитаніе? Есть ли въ ней стремленіе знать истину, есть ли въ ней любовь къ ученію, указующему эту истину, или оно отдалено преждевременнымъ навывкомъ ко лжи, лести и подобнымъ любезнымъ качествамъ, въ которыхъ иные видятъ гибкость и изворотливость ума? Указано ли ей истинная красота съ тѣмъ, чтобы сердце не истощалось впоследствии предъ нестройной, блескомъ безъ огня, но съ обдающимъ холодомъ, предъ шляпками, каретами, платьями, модами, усами, книгами, вслѣдующими любовь въ соединеніи съ блѣдной луной, и етерзан-

нымъ сердцемъ, кинжалами и прочими страстями? Такъ-ли дано ей понимать честь, самолюбіе, самохраненіе и всѣ святыя принадлежности личности, безъ которыхъ человекъ не человекъ, — чтобы въ послѣдствіи не измельчилась въ безплодномъ страданіи душа, если, напримѣръ, кто не сдѣлаетъ визита, не такъ, какъ бы хотѣлось, кто-нибудь отозвался объ ней, объ ея балѣ, платьѣ и по поводу другихъ подобнаго рода обстоятельство? А любовь должная къ другимъ развита ли въ ней? Имѣли ли въ виду показать ей, что нужно любить родителей духовною любовію, что любовь къ отечеству есть готовность трудиться и жертвовать для блага народа безъ ожесточенія противъ выгодъ европейскаго образованія, что она обязываетъ заботиться о внутреннемъ и внѣшнемъ благосостояніи меньшихъ нашихъ братій, а не ставить ихъ средствомъ для немногихъ, потому что сказано Богомъ: люби ближняго своего, какъ самаго себя?

Наблюдатель задаетъ себѣ вопросы эти, смотря на созрѣвшую почти дѣвицу высшаго, богатаго круга, и съ грустію находитъ, что они далеко не на первомъ планѣ при ея воспитаніи, а что внѣшность только, возможность въ послѣдствіи ослѣпить хотя на мигъ очи смертнаго, скользнувъ предъ нимъ свѣтлымъ видѣніемъ, способность бросаться въ глаза—составляютъ главную задачу въ этомъ дѣлѣ: всѣ же высокія чувства и стремленія, если и развиваются, то въ весьма немногихъ, и эти немногія обязаны своимъ развитіемъ вовсе не педагогическимъ системамъ, а богатству своихъ натуръ.

Сообразно съ характеромъ цѣли воспитанія и поощрительныя средства употребляются такого сорта, что только способны возбудить въ ученицахъ матеріальный, чувственный взглядъ на образованіе; сюда относятся: ставленіе въ уголъ, лишеніе конфетъ или сладкихъ блюдъ, обѣщаніе или даже дареніе въ видѣ награды различныхъ гостинцевъ, напоминаніе дѣвицѣ, что если она не будетъ хорошо себя держать и учиться, то съ ней никто въ послѣдствіи не будетъ танцевать, и проч. Вообще надо замѣтить относительно наградъ и наказаній, что въ опредѣленіи и раздачѣ ихъ имѣется въ виду не то, чтобы каждыя

мѣру поощрительную: представить какъ бы несминувимъ слѣдствіемъ того или другаго поступка или дѣйствія, а то, что для дѣвицы наказаніе или награда должны быть особенными, чѣмъ для мальчика.

Б. Обученіе и воспитаніе дѣвицъ въ среднемъ и низшемъ слояхъ Пермскаго общества.

Обращаемся теперь къ воспитанію дѣвицъ въ остальной массѣ пермскаго общества, или къ средѣ тѣхъ людей, которые не имѣютъ счастья принадлежать къ аристократическому, или лучше сказать, богатому кругу, но которые все же, по своимъ правамъ политическимъ и значенію, рѣзко отдѣлены отъ простаго или податнаго народонаселенія. Сюда относятся чиновники всевозможнѣйшихъ родовъ, духовенство, занимающее частныя должности при заводахъ, которыхъ, какъ извѣстно, въ нашемъ краю очень много, и нѣкоторые торгующіе люди.

Первое, что бросается въ глаза при воспитаніи дѣвицъ въ этихъ слояхъ общества—это то, что здѣсь воспитаніе дѣвицъ, или, какъ говорятъ образованіе, не считается дѣломъ такой настоятельной необходимости, какъ образованіе мальчиковъ. «Дѣвицѣ» говорятъ пожалуй необходимо образованіе, но всежъ мальчику оно необходимо: потому что иначе онъ на службѣ мало выиграетъ. Дѣвицѣ нужно выйти замужъ, а для этого немного нужно: лишь бы она была хороша, держала себя прилично, ну и съ хорошею репутаціей разумѣется,—и дѣло будетъ хорошо. Да съ другой стороны и радъ бы дать своей дочери хорошее образованіе, да гдѣ-жъ средства? Гувернантку нанять дорого, учителей тоже; да ихъ и нѣтъ; самому некогда,—по забывъ все; да къ тому-жъ нынче французскій языкъ нуженъ, да разныя исторіи,—тутъ, батюшка, такая коммиссія, что упаси Боже».

Въ силу такихъ размышленій, отецъ иногда убиваетъ большую часть своихъ матеріальныхъ средствъ на образованіе сына, оставляя на долю своихъ дочерей весьма немногое, а иногда и многое, но съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи обратить это многое въ приданое и тѣмъ увеличить достоинство ихъ въ мѣншіе

общества. А то, что удѣляется собственно на воспитаніе дѣвицы, удѣляется, какъ видно изъ предыдущаго, съ цѣлію образовать ее на столько, чтобы она въ своемъ кружкѣ не прослыла неучемъ, а по возможности славилась какъ дѣвица воспитанная, словомъ, чтобы была хорошей невѣстой.

Если не излишне знать, какими путями достигается эта цѣль, то для этого необходимо сначала сказать нѣсколько словъ о самомъ обществѣ, о воспитаніи дѣвицъ, среди котораго идетъ рѣчь. Вникая въ его составъ, наблюдатель замѣчаетъ въ немъ двѣ половины; одна изъ этихъ половинокъ заключаетъ въ себѣ людей, которые живутъ хотя и не роскошно, но безбѣдно, въ довольствѣ и подѣ-часъ съ комфортомъ, словомъ, если измѣрять на единицы денегъ, — заключаетъ людей, которые получаютъ годоваго дохода отъ 500—2000 рублей; другая половина заключаетъ въ себѣ большинство, которое имѣетъ на столько матеріальныхъ средствъ, на сколько это нужно, чтобы не снитаться по-міру, и которое, разумѣется, кое-какъ перебивается со дня на день. Первую половину мы относимъ къ тому отдѣлу общества въ остальной его массѣ (исключая богатыхъ), который въ оглавленіи назвали высшимъ слоемъ, а вторую — къ тому, который нами наименованъ низшимъ слоемъ. Это различіе въ матеріальныхъ средствахъ той и другой половины массы общества условливаетъ собою различіе и воспитанія дѣвицъ въ той и другой средѣ, или, лучше сказать, условливаетъ различіе тѣхъ пріемовъ и мѣръ, которыми вооружается для показанной цѣли воспитаніе дѣвицъ въ той и другой половинѣ. Такимъ-образомъ, если мы хотимъ разсматривать воспитаніе дѣвицъ въ сказанныхъ слояхъ нашего общества, то раздѣлимъ наше изложеніе на два отдѣла: а) воспитаніе дѣвицъ у родителей достаточныхъ и б) воспитаніе у бѣдныхъ.

Разсматривая каждую изъ показанныхъ половинокъ общества, наблюдатель найдетъ въ пониманіи образованія или, точнѣе выражаясь, въ пониманіи того, что такое хорошая невѣста, что такое благовоспитанная дѣвица, — два направленія, которыя такъ или иначе сходятся между собою въ цѣли, какаю имѣется въ виду при воспитаніи дѣвицы, расходятся въ пониманіи ее,

т. е. каждое понимает ее по своему и отсюда избирает свои особенныя, сообразныя съ пониманіемъ этой цѣли средства для ея достиженія. Отсюда приходится намъ каждый изъ двухъ отдѣловъ подраздѣлить на двѣ части. Итакъ, скажемъ сначала о воспитаніи дѣвицъ у достаточныхъ, какими путями это воспитаніе старается достигнуть вышеизложенной цѣли.

а) *Воспитаніе дѣвицъ у достаточныхъ родителей.*

Одны изъ этого рода родителей при воспитаніи своихъ дочерей стараются сдѣлать ихъ по возможности образованными и благовоспитанными въ томъ смыслѣ, въ какомъ образованіе дѣвицы понимается у богатыхъ, или въ аристократическомъ нашімъ кругу; другіе подъ благовоспитанною дѣвикою разумѣютъ нѣчто иное, и потому многіе изъ средствъ, употребляемыхъ при воспитаніи дѣвицъ родителями перваго направленія, считаютъ излишними и даже вредными.

а) Теперь, что касается до первыхъ, то главныя черты, характеризующія воспитаніе ихъ дочерей, по нашимъ наблюденіямъ, слѣдующія:

Вскорѣ послѣ рожденія своего дочь отдается подъ ферулу нянѣ, или престарѣлой женщины, или молодой наемной дѣвицы. Тутъ система ухода за ребенкомъ таже самая, какую мы видѣли и у богатыхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ содрязнѣетъ менѣе опрятно, чѣмъ у послѣднихъ, и что здѣсь мать имѣетъ болѣе времени сама наблюдать за состояніемъ дочери. Въ томъ случаѣ, если дитя начинаетъ кричать сильно и тѣмъ возбуди въ матери сомнѣніе на счетъ благосостояніи его здоровья, — обходятся чаще безъ доктора и лечатъ домашними средствами по своему усмотрѣнію. Когда дочь начинаетъ ходить и произносить нѣкоторые словесные звуки, то замѣчаются многія вещи, которыя на нашъ взглядъ сопровождаютъ вредомъ для дальнѣйшаго развитія ея; такъ, напримеръ, ребенокъ, идя по комнатѣ, вдругъ падаетъ и начинаетъ кричать: ему въ утѣшеніе предлагаютъ излить досаду на тотъ предметъ, о который онъ ушибся; если онъ не унимается, и не перестаетъ кричать, то угрожаютъ отдать его замужъ за ког-

дуна или какое-нибудь другое созданіе древней русской фантазіи и, вообще, стараются запугать такими предметами, которые въ сущности не заключаютъ въ себѣ ничего страшнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ наполняютъ дѣтское воображеніе уродливыми образами и вселяютъ преждевременно понятіе о замужествѣ. Часто позволяютъ себѣ услаждаться созерцаніемъ того, какъ младенецъ вступаетъ въ борьбу или съ своимъ сверстникомъ или съ кѣмъ бы то ни было изъ-за куска чего-либо съѣстнаго, когда бьетъ животныхъ и вообще оказываетъ признаки животности. Вездѣ почти стараются поддѣлываться подъ неустановившійся говоръ ребенка, когда онъ, естественно, еще не въ состояніи произносить нѣкоторыхъ звуковъ, и тѣмъ, сами того не замѣчая, содѣйствуютъ утвержденію въ немъ картаваго и шепеляватаго произношенія. Много и другихъ замѣчается приемовъ въ обращеніи родителей съ своими малолѣтними дочерьми, приемовъ, которые ведутъ за собою неправильное развитіе воображенія, наполненіе его безобразными образами, перевѣсъ животности надъ духовною стороною; много замѣчается и такихъ мѣръ, которыя хороши въ свое время, но бесполезны для младенческаго возраста; здѣсь можно упомянуть о приученіи младенца къ дѣланію крестнаго знаменія, которое, будучи совершено ребенкомъ какъ чисто-безсознательный процессъ движенія рукъ, въ этомъ случаѣ теряетъ свой духовный смыслъ и иногда у самихъ же родителей возбуждаетъ смѣхъ неправильностію и странностію совершенія его. Всѣ эти черты впрочемъ удобно прилагаются и къ мальчикамъ въ томъ же возрастѣ. Отъ 4-хъ до 8-ми или 9-ти лѣтъ жизнь дѣвочки проходитъ въ игрѣ въ куклы, гдѣ тоже часто внушается понятіе о замужествѣ, въ дѣланіи реверансовъ, въ танцованіи, кушаніи конфектъ, игрѣ съ сверстницами, если таковыя имѣются въ наличности, и часто въ полномъ созерцаніи домашняго быта своихъ родителей, различныхъ сценъ домашнихъ... Около 8-ми лѣтъ ее сажаютъ за азбуку и начинаютъ съ азоевъ, потомъ доходятъ до *ба, ва, га* и проч. и наконецъ, по истеченіи меньшимъ числомъ года, за чтеніе по складамъ, какая ни попадется книга, хотѣ бы то была философія Канта. Вообще изученіе азбуки и далѣе

нѣйшее усовершенствованіе въ чтеніи и письмѣ производятся по методу, употребляемой нынѣ дѣвчками при обученіи крестьянскихъ мальчиковъ, или подъ руководствомъ родителей и другихъ членовъ семейства, или же подъ руководствомъ семинаристовъ и вообще людей, ищущихъ хлѣба. Вмѣстѣ съ этимъ мать или сестры сообщаютъ обучаемой дѣвцѣ разныя французскія изреченія, заключающія въ себѣ пріятный смыслъ; тутъ же дѣвица начинаетъ обучаться рукодѣлю. По достиженіи дѣвцею 10-ти лѣтъ, или около этого времени считаютъ нужнымъ начать учить ее различнымъ предметамъ или наукамъ; тутъ обыкновенно предстоятъ большія хлопоты относительно того, какъ и гдѣ найти учителя. Этому горю отчасти помогаютъ нѣкоторыя почтенныя дамы, бывшія когда-то гувернантками, или вовсе небывшія, хотя желавшія того. Эти дамы открываютъ у себя классы танцованія; вмѣстѣ съ танцованіемъ дочери нѣкоторыхъ родителей обучаются различнымъ учебнымъ предметамъ и музыкѣ. Иные же родители составляютъ нѣчто въ родѣ компаніи и приглашаютъ съ собою какого-нибудь учителя или учительницу, которые за известную, впрочемъ небольшую, плату обязаны учить ихъ дочерей всѣхъ вмѣстѣ, а тѣ, въ назначенное время, собираются все въ одномъ домѣ, гдѣ и ждутъ своего педагога. Учебные предметы, входящіе въ составъ обученія, преподаются въ такихъ случаяхъ по учебникамъ, отчасти принятымъ въ приходскихъ училищахъ, отчасти въ уздныхъ. Мы не знаемъ вполне пріемовъ, которые употребляются при этомъ обученіи, но крайней-мѣрѣ известно то, что дѣвцы изъ этого обученія выносятъ чрезвычайно мало знаній или, лучше сказать, полузнаній; едва ли изъ 100 одна въ состояніи бываетъ по окончаніи обученія написать что-либо правильно по-русски. По французскому языку приобретаются по истинѣ достойныя жалости знанія; все свѣдѣнія по этой части ограничиваются умѣньемъ сказать нѣсколько фразъ на этомъ языкѣ, хотя, надо сказать, не малое прилагается попеченіе объ его изученіи; и эти впрочемъ немногія вокабулы векоръ забываются тѣми, которыя столько потратили успій на ихъ усвоеніе себѣ. Знанія по исторіи и географіи тоже ниже всякой посредственности. Что же касается

до музыкальнаго образованія, то удовольствію играть на фортепиано причастны очень немногія; да и тѣ, которыя играютъ, играютъ только польки и романсы и, замѣчательно, выходя замужъ, перестаютъ вовсе играть. Обученіе этому искусству производится нѣкоторымъ образомъ по системѣ взаимнаго обученія, т. е. дѣвица научается бить по клавишамъ у знакомой съ этимъ дѣломъ своей родственницы, подруги, или дешеваго учителя музыки. Рукодѣлье, т. е. различные способы вышиванія, кажется, находится въ удовлетворительномъ состояніи.

При воспитаніи, въ собственномъ смыслѣ, или развитіи тѣлесныхъ и нравственныхъ силъ дѣвицы замѣчается стремленіе удалить ее отъ всего того, что, по мнѣнію ея родителей, можетъ вредить ей. Такъ относительно здоровья берегутъ дѣвицу тщательно отъ простуды, а между тѣмъ одѣваютъ и кормятъ ее иногда такъ, что только весьма неприсотливая натура можетъ избѣгать болѣзни.

При развитіи нравственнаго чувства стараются удалить дѣвицу отъ всего того, что можетъ произвести на счетъ ея сплетни и ознакомить преждевременно съ такими вещами, о которыхъ дозволяется знать только по выходѣ замужъ; поэтому благовоспитанной дѣвицѣ запрещается быть слишкомъ разговорчивой съ некоротко-знакомымъ мужчиной; но вездѣ позволяетъ читать романы. Но всѣ эти мѣры ни къ чему не ведутъ: дѣвица всю прозу жизни знаетъ по домашнимъ обстоятельствамъ и по сплетнямъ, которыя быстро, съ приличными изукрашеніями, расходятся по городу, или заводу; романы тоже читаются, къ сожалѣнію, большею частію плохіе, хорошихъ впрочемъ негдѣ взять; библиотеки имѣются только при казенныхъ училищахъ. Изъ романовъ, или другимъ какимъ-либо путемъ, не извѣстно, только почеркается весьма рано дѣвицею понятіе о любви, въ тѣсномъ значеніи этого слова. Дѣвица 13 лѣтъ иногда имѣетъ свой предметъ обожанія и даже покушается и рѣдко излить свои чувствованія въ стихахъ. Всѣ эти вышесказанныя начала въ дѣлѣ воспитанія дѣвицъ руководятъ родителями по отношенію къ дочери и по окончаніи научнаго об-

ривования, завершающагося весьма рано, иногда по достиженіи ея 14-ти-лѣтняго возраста.

Мы сказали, что въ этомъ отдѣлѣ общества есть родители, которые не держатся покаянныхъ приемовъ въ дѣлѣ воспитанія дѣвицы; считая некоторые изъ нихъ излишними и даже для нравственности вредными. Къ числу такихъ родителей относятся зажиточные мещане, купцы средней руки и большая часть дворянства. Полагая главнымъ достоинствомъ дѣвицы скромность, безусловную покорность старшимъ, здоровье и красоту, они тщательно стараются удалить своихъ дочерей отъ всего того, что можетъ препятствовать развитію въ нихъ этихъ качествъ. Съ ихъ точки зрѣнія ученіе вовсе не нужно для дѣвицы; если дѣвица выучивается читать и писать, такъ уже это проскомъ. Руководительными книгами при обученіи дѣвицы чтенію продолжаютъ быть букварь, чертъко съ рисунками (азъ—яванасъ и т. п.), при изученіи котораго употребляется въ видѣ вспомогательнаго орудія указка, нарочно на этотъ конецъ изълучины истѣсанная, — часословъ, псалтырь, а для гражданской печати — великая понавшаея книга. Дальше, когда дѣвица ознакомливается достаточно съ процессомъ чтенія, то она уже сама практикуется въ этомъ дѣлѣ на пѣсенникахъ, письмовникахъ, различныхъ бракулахъ и соломонахъ, т. е., книжкахъ, по которымъ, соблюдая извѣстные условія, можно узнать будущее. Этимъ и заканчивается обученіе, а то довольно тяжелое для дѣвицы; потому что родители этихъ дочерей сами люди тяжелелаго характера и чертъко для поощренія ихъ прибѣгаютъ къ весьма чувствительнымъ для нихъ мѣрамъ. Обначенное обученіе дѣвицы производится или подъ руководствомъ самихъ ея родителей, или же при помощи лицъ духовнаго званія, которыя за небольшое вознагражденіе принимаютъ на себя педагогическую обязанность. Вместе съ этимъ дѣвица незаметно выучивается разнымъ сказкамъ, узнаетъ разныя, по большей части страшныя, исторіи, гаданья, сваточныя и свѣдебныя чѣбныя.

Но особенно тщательное стараніе прилагается, преимущественно со стороны матери, къ сохраненію репутаціи дѣвицы. Дѣвицъ, пока она не достигла 12 и 14-ти-лѣтняго воз-

раста, позволяется самое фамилярное обращеніе съ мальчиками: она играетъ съ ними заодно, рѣзвится, бѣгаетъ вмѣстѣ. Но коль-скоро она начинаетъ подростать, коль-скоро она начинаетъ сознавать особенности своего пола, то она не смѣетъ глядѣть и на роднаго мужчину; а уже о томъ, чтобы войти въ бесѣду съ кавалеромъ, она и помыслить не можетъ. Даже въ день обрученія весь разговоръ между женихомъ и невѣстою ограничивается большею частію вопрошеніемъ со стороны первого, сколько ей лѣтъ и чѣмъ она занимается, и отвѣтомъ со стороны послѣдней, нерѣдко не впадъ, на эти глубокомысленные вопросы. Для поддержанія хорошаго о себѣ мнѣнія дѣвица должна казаться богомольною. Много впрочемъ правилъ и обычаевъ существуетъ для этой цѣли. Если дѣвица оказывается непонятною въ чемъ-нибудь, то нерѣдко достается ея косъ отъ матери, которая при этомъ родительскомъ назиданіи пожалуй скажетъ въ родѣ слѣдующаго: дура! какой чортъ, прости Господи, возьметъ тебя (подразумѣвается — замужъ). Во время святокъ позволяется сближеніе между двумя полами по поводу игры въ фанты. При этомъ даже учиняется обоюдное, въ очію всѣхъ впрочемъ, лобызаніе.

Надо сказать однакожъ, что въ это суровое воспитаніе начинаютъ вторгаться элементы новаго направленія, о которомъ мы говорили. Это выражается въ стремленіи танцовать втихомолку, одѣваться по обычаю свѣтскихъ дѣвицъ и пѣть разные романсы въ родѣ: «не буди ты ее на зарѣ.» Нельзя не замѣтить впрочемъ, что кажется ни въ одномъ отдѣлѣ общества чувства дѣвичьей чести, назначеніе женщины—быть женою и матерью такъ глубоко, хотя какъ-бы по инстинкту, не сознаются, какъ въ этомъ. Жаль, что это пока похоже на драгоценный камень надъ которымъ много нужно потрудиться, чтобы онъ блеснул яркимъ сіяньемъ. О тѣлесномъ воспитаніи не прилагается ни какого раченія въ силу того убѣжденія, что въ волю Божіей не ходятъ здоровье и жизнь челоуѣка. Вслѣдствіе этого очень много умираетъ въ младенчествѣ. Зато ужъ тѣ, которыя счастливо пережили тяжелые періоды развитія, отличаются завиднымъ здоровьемъ, повергающимъ въ изумленіе благовоспитаннымъ

барышней, точно также, какъ нѣкогда спартанки удивляли афинянъ своимъ здоровымъ тѣломъ!

Воспитаніе дѣвицъ у бѣдныхъ родителей.

Этотъ слой общества составляютъ мелкіе чиновники по разнымъ ведомствамъ и низшее духовенство. Большая часть этихъ членовъ общества съ трудомъ содержатъ свои семейства; обстановка ихъ жизни иногда поражаетъ своею бѣдностью: иные по временамъ не имѣютъ насущнаго хлѣба. Гдѣ тутъ послѣ этого заботиться, чтобы получше воспитать дочь; вѣдь съ дѣвицы, разсуждаютъ, никто ничего не потребуетъ. Учись она у матери. И выучивается она у матери читать и то не всегда, писать кое какъ, и то чрезвычайно рѣдко, шить простое бѣлье, стряпать. Къ этому можно прибавить умѣнье пѣть пѣсенки, даже танцовать подлѣ скромные звуки гитары, извлекаемые рукою знакомаго писца, или чиновника. А вмѣстѣ съ тѣмъ все, что сопряжено съ бѣдностью, и домашнія дразги между отцомъ и матерью, и сплетни въ самыхъ грубыхъ формахъ, и униженіе подчасъ изъ-за копѣйки и многое другое, что такъ разрушительно дѣйствуетъ на молодую душу, — все это извѣстно дочери тѣхъ родителей, которые не теряютъ надежды на улучшеніе своего положенія и слѣд. на возможность жить хоть сколько нибудь схоже съ тѣми, у которыхъ дочери вѣздятъ въ коляскахъ и танцуютъ на балахъ, — и все это знакомо съ младенчества, всосалось въ плоть и кровь.

Къ другому направленію въ этомъ отдѣлѣ общества принадлежить большая часть низшаго духовенства. Все различіе въ воспитаніи дочерей этихъ родителей отъ воспитанія дочерей людей достаточныхъ того же направленія заключается въ томъ, что онѣ рѣдко искусны въ книжной мудрости, зато болѣе упражняются въ работахъ хозяйственныхъ, какъ-то: уходъ за скотомъ, уборкѣ хлѣба и проч.

Мы разсмотрѣли состояніе воспитанія дѣвицъ въ различныхъ слояхъ пермскаго общества, или той части народонаселенія, которой достались на долю начальственные права, промышлен-

ныя занятія среди остальной, огромнѣйшей массы, и смотрѣніе за нравственно-религіознымъ развитіемъ народа; мы разсмотримъ, и приходимъ къ заключенію: Во 1-хъ, ни цѣль, которую имѣютъ въ виду при воспитаніи дѣвицы, въ силу ея односторонности, исключительности, матеріальности, ни средства, которыя употребляются при этомъ, далеко не удовлетворяютъ тѣмъ идеаламъ женскаго воспитанія, которые созданы вѣками, и такъ громко проповѣдуются у насъ нынѣ. Но нельзя опустить изъ вниманія, что среди этого мрака мелькаютъ иногда личности, которыя отказываются идти по стезѣ, продолженной общимъ направленіемъ, которыя стараются о воспитаніи дочерей съ сознаниемъ необходимости его для нихъ, не для того только, чтобы блеснуть имъ, поражать взоры другихъ и чрезъ то выходить замужъ, а для того преимущественно, что дѣвица—человѣкъ, будущая мать и жена; стараются, отдавшись всецѣло этому подвижническому труду и не жалѣя ни себя, ни средствъ своихъ. Намъ извѣстны нѣкоторые семейства въ разныхъ слояхъ общества, и преимущественно въ среднемъ, съ такимъ направленіемъ мыслей объ этомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, съ одной стороны, эти личности стоятъ, одинокими, въ массѣ, не возбуждая въ другихъ желанія подражать себѣ, съ другой—руководясь одною только любовію въ этомъ дѣлѣ, какую только, могутъ внушить родительское чувство и благородный образъ мыслей, но лишенные педагогическаго образованія и даже возможности въ иныхъ случаяхъ получить его, нерѣдко вмѣстѣ съ благими средствами для приведенія своей цѣли въ исполненіе, употребляютъ, сами того не замѣчая, приемы невѣрные, лишенные разумнаго смысла. Ибо какимъ образомъ родители, особенно среднихъ классовъ, могутъ дойти до истинныхъ началъ, до сознанія вѣрныхъ средствъ въ дѣлѣ воспитанія? По книгамъ? Да въ Пермской губерніи не существуетъ библіотекъ, кромѣ казенныхъ; выходящіе нынѣ педагогическіе журналы, надо сознаться, выписываются почти только учебными заведеніями. Какимъ образомъ дѣвица уяснитъ, разовѣетъ въ себѣ тѣ начала добра и красоты, которыя она вынесла изъ воспитанія подъ руководствомъ своихъ благородныхъ родителей? У насъ не существуетъ вовсе учреж-

деній, которыя бы хотъ сколько-нибудь разнообрази заведен- ный ходъ жизни, которыя бы давали пищу душѣ и тѣмъ со- дѣйствовали дальнѣйшему развитію ея. Только иногда прїѣдетъ какой-нибудь музыкантъ, дастъ концертъ, и тутъ только благо- направленная дѣвица найдетъ для себя на нѣсколько часовъ нѣчто другое. Чѣмъ что представляетъ ей вседневная жизнь съ ея вечерами, на которыхъ играютъ только въ карты или танцуютъ, съ форменными одѣянїями знакомыхъ, занятыхъ му- бокомысленно нѣмъ-то въ родѣ копѣйки, съ разказами о томъ, какое вшила себѣ платье N., и проч. проч. Кто же поручится, что она не увлечется общимъ потокомъ эффектовъ, расчетовъ, сметней, потокомъ, гдѣ ничто не затронетъ мысли, ничто не расшевелитъ уснувшаго чувства? ...

Второе заключеніе, къ которому мы пришли при обзорѣнн воспитанїи дѣвицъ въ нашемъ обществѣ, есть то, что повсюду видно стремленіе давать воспитаніе дѣвицъ, что многіе даже чувствуютъ недостаточность современнаго ея образованїя. Но какъ же удалить исключительность цѣли, которую имѣютъ въ виду при воспитанїи дѣвицы, и превратность, иногда нецѣ- лность средствъ, которыя употребляютъ при этомъ? Какъ по- мочь благородному желанію нѣкоторыхъ давать лучшее воспи- таніе дѣвицамъ, какъ образъ мыслей этихъ немногихъ сдѣ- лать господствующимъ? Эти вопросы сильно занимаютъ наше общество, особенно средній слой его, и рѣшеніе этихъ вопро- совъ, полагали, приняло на себя правительство, когда прош- лаго года дозволило оно изыскивать средства къ учрежде- нію женскихъ гимназій. Извѣстіе объ этомъ распоряженїи правительства обрадовамо очень многихъ. Думали, что это предначертаніе скоро будетъ приведено въ исполненіе. Въ губернской гимназїи составленъ былъ и проэктъ женскаго учебнаго заведенїя, на первый разъ для губернскаго города. Потомъ прислана была отъ попечителя округа копія съ сообра- женїи, которыми онъ предполагалъ руководствоваться при откры- тіи подобныхъ училищъ въ своемъ округѣ и которыя были представлены имъ на усмотрѣніе г. министра. Но гимназія и попечитель не могли дать матеріальныхъ средствъ къ осуще-

ствленію этого благодѣтельнаго правительственнаго предположенія, хотя, надо замѣтить, директоръ училищъ употреблялъ весь зависящія отъ него усилія къ открытію источниковъ для нихъ. Проектъ гимназіи, соображенія попечителя остаются и по сіе время повидимому далекими отъ осуществленія ихъ на дѣлѣ. Причина этого обстоятельства, кажется, заключается въ маломъ сочувствіи къ этому дѣлу въ сильныхъ міра сего въ нашемъ краю, изъ которыхъ иные утверждаютъ, что имѣнть резону слишкомъ хлопотать объ открытіи женскаго училища; ибо ихъ дочери не будутъ воспитываться или обучаться вмѣстѣ съ дочерьми простыхъ чиновниковъ и мѣщанъ; по-крайней-мѣрѣ эту причину нельзя искать, кажется, въ недостаточности средствъ края; потому что не ужели болѣе чѣмъ полутора-милліонное народонаселеніе не въ состояніи содержать хоть одно подобное заведеніе? Въдь одна копѣйка съ каждаго недѣлимаго въ годъ достаточна для содержанія не одного подобнаго заведенія. Да въдь даются же концерты, балы въ пользу бѣдныхъ, раненыхъ, иногда въ честь уважаемыхъ особъ; конечно все это похвально, но намъ кажется страннымъ то, какъ это наше общество, выражая тѣ или другія чувства свои въ подобныхъ изобрѣтеніяхъ, никогда не подумало обратить подобныя обстоятельства въ пользу воспитанія и преимущественно воспитанія женскаго, никогда не привело къ своему сознанію мысль, что есть-де отрасль народной жизни весьма важная—именно воспитаніе дѣвицы, и что не худо бы поискать средствъ къ его улучшенію или, правильнѣе будетъ, къ его созданію!

По нашему мнѣнію, учрежденіе женскихъ училищъ, и пока мѣсть хотя одного, есть самая настоятельная общественная потребность и вмѣстѣ съ тѣмъ единственное покуда средство къ преобразованію воспитанія дѣвицъ вообще, а слѣдовательно къ улучшенію жизни семейной, къ развитію гражданскихъ доблестей, къ направленію душевныхъ силъ народонаселенія на лучшее и благороднѣйшее, къ удаленію взяточничества, ханжества, низкопоклонничества, душевнаго разтлѣнія, своекорыстія и чванства, угнѣтенія низшихъ, равнодушія къ общественнымъ интересамъ и прочихъ язвъ, которыя подчасъ больно мучаютъ землю, прикры-

вадь: именами добродѣтели, патриотизма, религіозности, честности. Пусть заведенія образуютъ добрыхъ жень и умныхъ матерей,—и тогда вѣроятно найдется сочувствіе къ дѣлу воспитанія, и исправленіе домашняго воспитанія тогда будетъ возможно. А безъ этого, полагаемъ, идеи, сообщаемыя и развиваемыя современною педагогическою литературою, не скоро привьются къ обществу, столь привыкшему жить извѣстнымъ образомъ; что нужна посторонняя сила, чтобы сдвинуть его съ принятой колеи.

IV.

Воспитаніе дввиць у простолюдиновъ.

Внутренній и внѣшній бытъ простолюдиновъ въ XVII и XVIII вѣкахъ.—Стараніе правительства заведеніемъ школъ среди нихъ улучшить ихъ бытъ.—Печальные результаты распространенія грамотности между простолюдинами и причины того.—Обученіе дочерей крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ.—Открытіе женскихъ отдѣленій при приходскихъ училищахъ.—Устройство учебной и нравственной части въ нихъ.—Направленіе ихъ.—Обстоятельства, препятствующія этому направленію.—Надежды.

Какъ ни много недостатковъ въ современномъ воспитаніи дввиць пермскаго общества, все же оно окажется благодаріемъ для нихъ, если поставитъ его въ сравненіе съ воспитаніемъ дввиць пришлыхъ словъ народонаселенія, съ воспитаніемъ, которое получаетъ большая часть дочерей мѣщанъ, крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ, крѣпостныхъ, приписныхъ. Потому что, если наблюдатель откинетъ гордость и, вооружась терпѣніемъ, ниспустится съ высоты, на которой движется жизнь такъ-называемаго общества, въ середину массы народонаселенія, то и теперь встрѣтитъ въ житейскомъ быту ея, и воспитаніи, следовательно, много такого, что вдкнмъ, чѣмъ-то невыразимо-досаднымъ и больнымъ ляжетъ на душу его; говоримъ «и теперь» потому, что въ настоящее время уже сдѣланы начатки къ улучшенію нравственнаго быта этой массы и ея воспитанія; потому что въ настоящее время есть по-крайней-мѣрѣ возможность для нея раскрыть нравственныя очи, которыя такъ долго были сдвлены невѣжествомъ.

Но обратимся къ этой массѣ пермскаго народонаселенія;

жизнь которой мы видѣли только до XVIII вѣка, и прослѣдимъ въ общихъ чертахъ быть ея до нашего времени; это дастъ намъ возможность правильнѣе цѣнить тѣ мѣры, которыя употреблялись для образованія простолюдиновъ вообще и дѣвицъ этого класса въ особенности. Нельзя однакожъ здѣсь не сдѣлать оговорки: полной картины воспитанія дѣвицъ у простолюдиновъ, т. е. изложенія характеристическихъ особенностей и приемовъ этого дѣла въ различныхъ мѣстностяхъ нашего края мы не въ состояннн въ настоящее время представить, предоставляя этотъ любопытный предметъ времени; теперь же ограничиваемся сообщеніемъ для желающихъ нѣкоторыхъ данныхъ, которыя намъ удалось собрать, и сдѣланныхъ, на основаннн ихъ, нѣкоторыхъ собственныхъ нашихъ соображеній.

Масса народная въ нашемъ краю, какъ мы уже упомянули, составилаь изъ соединенія двухъ элементовъ: туземцевъ—финскихъ поколѣній съ переселенцами русскими и въ концѣ XVI вѣка не могла похвалиться своею нравственностію, вслѣдствіе показанныхъ также въ своемъ мѣстѣ причинъ. Положеніе, въ которое она была поставлена здѣсь, долгое время не могло служить ручательствомъ за улучшеніе вещественнаго и нравственно-религіознаго быта ея. И правительство и исполнители воли его и владѣльцы смотрѣли на нее, какъ на средство для себя, не считая своею обязанностию позаботиться объ ея благосостояннн. Напротивъ, много есть фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о грубомъ эгоизмѣ, самоуправствѣ, забвеннн всего человѣческаго и всякаго рода притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ крестьянамъ тѣмъ кому, вслѣдствіе историческаго хода событій, выпало на долю пользоваться ими какъ средствомъ.

Масса крестьянъ инстинктивно чувствовала всю тягость своей гражданской неполноправности, зависимости отъ немногихъ, и потому старалась высвободиться изъ этого положенія. Одна часть ея впрочемъ, какъ бы чувствуя себя безсильною для борьбы, необходимой при этомъ, повидимому успокоилась, впала въ какое-то апатическое состоянне, подъ корою котораго только проницательный наблюдатель способенъ замѣтить широкій размахъ натуры; состоянне это похоже на состоянне потока

когда-то бурного, но который, задержанный на пути плотиною, мало-по-малу останавливается, стихает и превращается въ спокойное глубокое озеро, ожидая, когда подуетъ вѣтеръ и расколыхаетъ богатство его воды. Другая же часть массы простолюдиновъ пошла было, иначе къ достиженію своей цѣли; но, не имѣя достаточнаго запаса нравственныхъ силъ и цѣлей, не получивъ истиннаго направленія въ своемъ стремленіи — выйдти изъ-подъ зависимости другихъ, нашла на ложную тропу: одни изъ этого отряда выступили во имя вѣры и впади въ страшный расколъ, наименовавъ себя старовѣрами, другіе хотѣли освободиться прямо, безъ всякихъ прикрытій своей цѣли какимъ-либо именемъ и просто стали производить отъ времени до времени явные возстанія и противъ властей и противъ палачей, словомъ, другая часть массы пошла кривыми путями для достиженія своей цѣли, гдѣ бесполезно должна была терять свои силы — подобно потоку, который, будучи сдержанъ въ своемъ бурномъ теченіи, не останавливается и, за неимѣніемъ возможности возвыситься своихъ водъ надъ преградою, несетъ ихъ въ разныя стороны, туда и сюда, на погибель себя и всему, что встрѣчается ему на пути.

Послѣ того, какъ одна часть массы была задержана въ своемъ равнѣніи корыстными цѣлями и средствами правительства и общества, а другая сбилась съ настоящей тропы, — послѣ этого, очевидно, не могло быть и рѣчи объ ея прогрессѣ, о воспитаніи среди нея человѣческихъ добродѣтелей и гражданскихъ доблестей; напротивъ, самый поверхностный наблюдатель XVII и XVIII вѣковъ увидѣлъ бы въ нашемъ мѣщанскомъ и крестьянскомъ быту множество сторонъ, ужасающихъ своею мрачною и вместе искаженною человѣческой природою: съ какою-то мистическою преданностію къ царю, твердою вѣрою — что онъ отецъ, земной богъ, релігіознымъ воодушевленіемъ, хотя и безсознательнымъ, готовностію работать до пота въ лицѣ, безъ старанія впрочемъ уяснить себѣ цѣль этой работы, а съ готовностію работать такъ потому, что приказываютъ, потому что иначе плохо будетъ, съ способностію сживаться съ своею долею, вместе съ отвагою — хладнокровно встрѣчающею смерть —

как-то странно соединились грубость нравовъ, доходившая до дикости, униженіе своей личности изъ за мелочныхъ выгодъ, безусловная вѣра въ разныя бредни, пьянство до скотообразія, совершенное равнодушіе къ общественному дѣлу или, лучше сказать, непониманіе его, грубое воззрѣніе на религію, готовность жертвовать честью и всѣмъ священнымъ изъ-за денегъ и хладнокровное совершеніе преступленія. Все это конечно было извѣстно правительству, а болѣе мѣстнымъ властямъ и помѣщикамъ. Правительство, начавъ въ XVIII вѣкѣ мало-по-малу оставлять свой односторонній, матеріально-экономическій взглядъ относительно управленія государствомъ, искало средствъ къ улучшенію нравственнаго быта простонародія въ нашемъ краю. Идеи, выработанныя XVIII вѣкомъ, привели многія правительства къ мысли, для улучшенія благосостоянія крестьянъ, распространять между прочимъ среди нихъ грамотность. У насъ въ Россіи это благородное стремленіе долго не находило себѣ приложенія къ дѣлу. Планы императрицы Екатерины II и проекты Бецкаго могли осуществиться только съ теченіемъ времени, когда бы вмѣстѣ съ заботою объ улучшеніи нравственнаго быта простонародья стали имѣть попеченіе объ улучшеніи и вещественнаго. Мысль для улучшенія нравственнаго и вещественнаго быта крестьянъ и мѣщанъ распространять между ними грамотность проникла въ нашъ край только во второй четверти XIX столѣтія и стала приводиться въ исполненіе едва ли не въ послѣднее время; тѣмъ не менѣе однакожь быстро стали возникать приходскія училища въ городахъ, въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ, въ заводахъ; въ настоящее время одному М. Н. Просвѣщенія подчиненныхъ такого рода училищъ насчитывается болѣе 60-ти.

Но скорѣе опыты стали показывать, что грамотность въ народѣ ни къ чему, кромѣ худа, не ведетъ, что изъ школъ выходятъ люди съ отвращеніемъ къ труду, съ склонностію къ разнымъ продѣлкамъ, за которыя сажаютъ въ тюрьму, и что вдобавокъ крестьяне не оказываютъ сочувствія къ грамотности и съ неохотою отдають дѣтей своихъ въ школы. Эти печальные результаты стараній правительства о благосостояніи простолюдиновъ, результаты, — дѣйствительность которыхъ къ сожа-

являясь очевидна, были причиною того, что некоторые разумные люди (а ихъ не мало въ нашемъ краю) всю вину ихъ стали сваливать на грамотность, стали доказывать и теперь доказываютъ, что грамотность положительно вредна для крестьянина, что грамотный чаще обнаруживаетъ непослушаніе властямъ, непочитаніе старшихъ себя, что онъ скорѣе способенъ на неисполненіе своихъ обязанностей, на мошенничество и крючкотворство, чѣмъ неграмотный, который безусловно повинуется начальству, живя по примѣру стариковъ, что грамотность, наконецъ, есть ключъ ко злу и возмущенію.

Считая излишнимъ входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ подобнаго рода обвиненій, возносимыхъ на грамотность, мы однакожь не можемъ удержаться, чтобы не высказать здѣсь своихъ мыслей объ упомянутыхъ, не совсѣмъ утѣшительныхъ результатахъ распространенія грамотности между простолюдинами.

Намъ кажется, что не смотря на это, грамотность есть святое дѣло, что видѣть въ ней вредъ для простонародія есть не что иное, какъ преступленіе, что причины показанныхъ печальныхъ явленій замѣчаются не въ распространеніи грамотности, а въ способѣ ея распространенія, въ необлегченномъ состояніи крестьянъ и, наконецъ, въ недостаткѣ старанія о распространеніи грамотности между дѣвочками у простолюдиновъ.

Называя грамотность дѣломъ святымъ, мы придаемъ этотъ эпитетъ только такой грамотности, которая по возможности даетъ простолюдину понятіе объ обязанностяхъ въ силу человеческого достоинства, объ обязанностяхъ его, какъ христіанина, и объ обязанностяхъ, какъ члена великой русской семьи, такъ чтобы онъ, напримѣръ, боялся плетей и палки не потому, что это больно, а потому, что это позоръ для человѣка, и боялся не столько наказанія, сколько того, за что наказываютъ; чтобы онъ не обманывалъ другихъ, а напротивъ, въ случаѣ нужды, помогъ своему ближнему; чтобы не ревѣлъ, сколько на то достанетъ голоса и слезъ, когда его назначать въ солдаты.

Между тѣмъ при обученіи мальчиковъ изъ простонародья, стараются только научить читать и кое-какъ писать, и тѣмъ дѣломъ ограничиваются; мальчикъ, вышедши изъ школы, кромѣ этого

умѣнья читать нараспѣвъ и расчеркнутыя на бумагѣ, ничего не выносить; учитель велѣлъ ему выучить нѣсколько молитвъ, да краткій катихизисъ; онъ знаетъ, за какимъ отвѣтомъ слѣдуетъ въ книгѣ какой вопросъ, а религіи не знаетъ. Больше живительной для мальчиковъ дѣятельности отъ учителя ожидать нельзя; разъ, что учитель нисколько не приготовленъ къ своей обязанности и едва ли понимаетъ всю важность ея; съ другой стороны, только крайняя необходимость заставляетъ многихъ занимать учительскія мѣста въ элементарныхъ школахъ. Немудрено послѣ этого, если мальчикъ, пробывшій въ школѣ годъ или два, выходитъ оттуда только съ кичливымъ сознаниемъ, что онъ лучше другихъ, потому что умѣетъ читать и писать.

Отецъ его видитъ это, видитъ равно и то, что эти два года въ продолженіе которыхъ его сынъ ходилъ въ школу, пропали даромъ, что паренъ былъ бесполезенъ для дома, не имѣя возможности пособить ему. Поэтому-то неудивительно слышать отъ крестьянина отвѣтъ, когда его спрашиваютъ, отъ чего онъ не отдаетъ сына въ школу, — отвѣтъ въ родѣ слѣдующаго: » Э! батюшка, вѣдь съ меня не спросятъ знаетъ ли грамотъ мой сынъ, а оброкъ спросить баринъ или управляющій. Да и за чѣмъ? Мы-жъ жили безъ грамоты и хорошо дѣлали дѣло и не воровали, а тутъ какъ научится, то еще пожалуй зауничаетъ, старшихъ на будетъ вѣдать. Вотъ оно что. » Эта неохота крестьянъ отдавать своихъ дѣтей въ школу и подчасъ печальный явленіе замѣчаемая на учившихся въ школѣ, уясняется, если поглубже вникнуть въ горькій смыслъ приведеннаго крестьянскаго отвѣта, если привести къ сознанию слѣдующія соображенія: каждый человекъ большею частію развиваетсясообразно съ цѣлю, какая указана ему въ жизни. Но нельзя не согласиться, что все люди изъ престоляродья, и мѣщане и крестьяне, заключены въ предѣлы всегда болѣе или менѣе узкой цѣли. Простолудину яони ощутительно показываютъ, за чѣмъ онъ живетъ и долженъ работать, — и онъ знаетъ, что запомнилъ онъ оброкъ, исправилъ все повинности, и дѣло въ шляпѣ, что если онъ этого не выдѣлаетъ, то ему будетъ плохо. Какъ же поелъ этого хотѣть, чтобы престолюдинъ что-нибудь дѣлалъ съ охотою помимо того

что ведетъ къ цѣли его, дѣлая другое, когда онъ не видитъ пользы отъ этого другаго для своего обихода? Къ чему учиться, когда онъ знаетъ, что отъ этого его вѣншее положеніе не измѣнится къ лучшему, что онъ по прежнему будетъ мужикъ?... Но вотъ, къ свѣдѣнію прискорбію, онъ долженъ отдать своего сына въ школу; сына его выучится грамотѣ, т. е., умѣть читать и писать. Матѣйшая даже грамотность даетъ по крайней мѣрѣ возможность расширить мышленіе и прочія силы души; а человекъ по естественному влеченію своему и врожденныя и добытыя средства стремится употребить прежде всего къ улучшенію своего собственнаго бытія; къ удаленію всего того, что тяготитъ его, что онъ до сихъ поръ дѣлалъ въ силу необходимости, приказа... Немудрено, что грамотѣй, почувствовавъ свои средства, увидѣвъ, что онъ имѣетъ нѣчто большее, чѣмъ его собратья, употребить эти средства къ тому, чтобы улучшить свое положеніе; а, не имѣя нравственнаго запаса, не составивъ себѣ истиннаго принципа добра и благополучія, употребить ихъ во вредъ себѣ и другимъ и станеть такимъ образомъ преступникомъ... Но кромѣ этихъ двухъ причинъ, т. е., безжизненности и другаго рода недостатковъ, которые замѣчаются при обученіи дѣтей простолюдиновъ, и неполноправности ихъ, необлегченнаго состоянія ихъ, причинъ, препятствующихъ благотворному дѣйствію грамотности на ихъ бытѣ, существуетъ еще третья: это то, что женскій полъ, дочери простолюдиновъ долгое время не имѣли возможности получать хотя такое обученіе, которое получаютъ мальчики... Воспитаніе дѣвочки крестьянской въ нашемъ краю долго оставалось и въ нынѣшнемъ столѣтіи такимъ, какимъ мы его представили въ первой главѣ нашихъ замѣтокъ; следовательно мальчикъ, поступая въ школу, приходилъ въ нее уже съ достаточнымъ запасомъ ложныхъ направленій, грубыхъ привычекъ, полученныхъ имъ отъ матери. Такого рода плевелы и хорошей школѣ трудно искоренить. Стало быть для того, чтобы элементарныя школы имѣли благотворное вліяніе на народъ, нужно, чтобы матери, посылающія туда своихъ дѣтей, хотя сколько-нибудь по своему образу мыслей и дѣйствій согласовались съ направленіемъ школы. Мысль объ обученіи до-

черей простолюдиновъ, возвѣщенная правительствомъ, въ нашемъ краю долго не находила исполненія. Только въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ стали появляться въ школахъ, хотя и немного въ сравненіи съ мальчиками, дѣвочки (*). Но устройство учебной части училищъ, подвѣдомственныхъ Министерству Государств. Имуществъ и Департаменту Удѣловъ, въ которыхъ исключительно съ показаннаго времени стали появляться дѣвочки, имѣло очевидные недостатки; эти недостатки завистли оттого, что смотрѣніе за ними возложено было на чиновниковъ этихъ вѣдомствъ, которые считали это дѣло второстепеннымъ, да едва ли, при отсутствіи въ нихъ педагогической опытности, могли исполнить его съ пользою для заведеній и оттого, что учителя въ нихъ преспокойно держались методъ заучиванія наизубокъ; такого рода недостатки и къ тому же еще незначительная численность учившихся дѣвицъ въ сравненіи съ мальчиками служили ненадежнымъ ручательствомъ за успѣшность въ дѣлѣ воспитанія дочерей простолюдиновъ. Успѣхъ въ этомъ дѣлѣ нужно было ожидать, когда бы главный надзоръ за нимъ ввѣренъ былъ тому вѣдомству, для котораго дѣло воспитанія есть специальность. Къ сожалѣнію, директоръ и смотрители уѣздныхъ училищъ имѣли право только бывать при случаѣ въ показанныхъ школахъ и пожалуй сообщать свое мнѣніе о заведеніяхъ непосредственному ихъ начальству, не имѣли однакожь права требовать, чтобы на это мнѣніе было обращено должное вниманіе. Въ такомъ же отношеніи къ сказаннымъ училищамъ находятся директоръ и смотрители училищъ и въ настоящее время. Весь главный надзоръ за этими училищами стало быть, принадлежить окружнымъ, помощникамъ ихъ, депутатамъ, изъ которыхъ иные достигли до реторики или 4-класса гимназіи, но убояшася и проч. Общій результатъ слѣдовательно тотъ, что дѣло воспитанія дочерей крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ не много подвинулось впередъ.

(*) Въ настоящее время въ училищахъ, подвѣдомственныхъ Министерству Госуд. Имуществъ, въ нашемъ краю учится: мальчиковъ 2664, а девочекъ 150; въ училищахъ, подвѣдомственныхъ Департаменту Удѣловъ, мальчиковъ 313, девочекъ 13.

Улучшеніе воспитанія дочерей простолюдиновъ или по-крайней-мѣрѣ стараніе объ этомъ принадлежить въ нашемъ краю тѣмъ лицамъ, которыя дѣло воспитанія вообще имѣютъ своею профессіею. До 1850 года въ приходскихъ училищахъ, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, дѣвочки вовсе не обучались, хотя 13-мъ § Устава Учебныхъ Заведеній 1828 года и дозволено было обученіе ихъ въ этихъ заведеніяхъ. Вышній директоръ училищъ давно изыскивалъ средства, чтобы склонить родителей отдавать своихъ дочерей въ эти заведенія для обученія. Но богатѣйшіе между мѣщанами и простолюдинами заводовъ оправдывали свое нежеланіе отдавать своихъ дочерей для первоначальнаго обученія въ приходскія училища тѣмъ, что по ихъ мнѣнію неудобно совокупное обученіе дѣвицъ съ мальчиками. Уступая этому до нѣкоторой степени справедливому требованію родителей, директоръ, вслѣдствіе представленія къ нему штатнаго смотрителя К... училищъ С. П. Б. скаго, сталъ ходатайствовать у высшаго училищнаго начальства о дозволении отдѣльнаго обученія въ приходскихъ училищахъ дѣвицъ всѣхъ состояній отъ мальчиковъ въ послѣобѣденное время. Учители приходскихъ училищъ согласились безмездно преподавать въ этихъ женскихъ отдѣленіяхъ. Предназначено было директоромъ употребить на занятіе съ дѣвочками 9-ть часовъ въ недѣлю—изъ нихъ 3 часа на ариметику, 3 часа на чтеніе и письмо и 3 часа на законъ Божій; метода, определенная при обученіи этимъ предметамъ—система взаимнаго обученія. Управляющій учебнымъ округомъ, 1850 г. 12 мая, разрѣшилъ привести этотъ проектъ въ исполненіе, но на первый разъ на одинъ годъ, въ видѣ опыта. Это учебное распоряженіе нашло сильное сочувствіе въ тогдашнемъ губернаторѣ О..., который немедленно предписалъ земскимъ и градскимъ полиціямъ внушить обывателямъ пользу и необходимость его для первоначальнаго обученія дѣвицъ. Не съ одинакимъ впрочемъ сочувствіемъ встрѣтили это распоряженіе общества, среди которыхъ предполагалось открыть женскія учебныя отдѣленія. Такъ жители города В...ря напрямикъ отказались отъ удовольствія посылать своихъ дочерей въ эти отдѣленія. Вообще замѣчается, что города и мѣста древнѣйшія,

т е., давно основанныя—до Петра Великаго, оказываютъ болѣе холодности къ дѣлу образованія вообще, чѣмъ тѣ, которые получили начало свое послѣ Петра; такіе тяжелые слѣды оставило на нихъ устройство допетровскаго Московскаго государства. Нѣкоторыя-жъ общества пожелали имѣть при этихъ женскихъ отдѣленіяхъ надзирательницъ и опредѣлили вознагражденіе женщинѣ, которая бы оказалась способною къ занятію этой должности, по 100 руб. сер. въ годъ. Право выбора этого лица общество удержало за собою,—утвержденія же извѣстной женщины въ этой должности осталось за директоромъ училища. Такимъ образомъ въ нашемъ краю къ исходу 1850 г. сформировались въ уѣздныхъ городахъ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ, безъ всякихъ издержекъ со стороны правительства, тѣ женскія элементарныя школы, о заведеніи которыхъ въ другихъ мѣстахъ только мечтають въ настоящее время.

Но посмотримъ однакожь, на сколько эти женскія отдѣленія при приходскихъ училищахъ, сдѣлавшихся съ 1851 года постоянными учрежденіями, удовлетворяють потребностямъ простонародья, на сколько т. е. содѣйствуютъ улучшенію быта ея и на сколько удовлетворяють современнымъ педагогическимъ воззрѣніямъ на подобнаго рода заведенія.

Читатель конечно изъ предыдущаго изложенія нашего догадается, что эти женскія отдѣленія назначены для дочерей всѣхъ сословій; что эти отдѣленія суть заведенія открытыя, что поступленіе ученицъ въ эти заведенія есть актъ свободнаго расположенія родителей, что въ нихъ дѣвочки получаютъ элементарное образованіе; къ этому остается прибавить не многое: предметы обученія суть: *законъ Божій* (св. исторія ветхаго и новаго завета—поначаткамъ христіанскаго ученія, Православной Церкви *чтеніе и письмо* (въ иныхъ занимаются практическими упражненіями въ русскомъ языкѣ), — *арифметика* (до дробей) и *рукодѣлье*. Въ 1857 г. введено преподаваніе *русской исторіи* по книгамъ, а въ формѣ біографическихъ разсказовъ со стороны учителя и повторенія ученицею разсказаннаго учителемъ. Главный и непосредственный надзоръ за учебною и нравственною частію въ этихъ заведеніяхъ принадлежитъ штатнымъ

смотрителямъ. Тамъ, гдѣ есть надзирательницы, штатный смотритель право надзора за нравственностію дѣвиць раздѣляетъ съ нею; надзирательница присутствуетъ во время занятій дѣвиць, безъ всякаго однакожь права вмѣшательства въ классныя распоряженія учителя и съ цѣлію контролировать его, что замѣчается въ нѣкоторыхъ женскихъ пансіонахъ, но съ тѣмъ, чтобы слѣдить за занятіями учениць руководлемъ, научать ихъ правильному взаимному обхожденію, приучать ихъ къ чистотѣ, опрятности, порядку. Штатный смотритель о ходѣ обученія и поведеніи воспитанницъ даноситъ директору ученищцы, который, сообразуясь съ этими донесеніями и своими личными наблюденіями во время ревизій, дѣлаетъ тѣ или другія распоряженія, изъ которыхъ можно видѣть, противъ чего, противъ какой нравственной немочи направляется въ нашемъ краю педагогика, какія человѣческія качества хочетъ развить она въ дочеряхъ престолоудиновъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. «Образованіе юношества, писалъ однажды директоръ штатнымъ смотрителямъ и управляющимъ заводами, тогда должно принести ему существенную и обильную пользу, когда ученіе будетъ основываться на крѣпкомъ нерушимомъ основаніи — религіи. Какъ велика должна быть поэтому заботливость со стороны воспитателей о томъ, чтобы зданіе ученія дѣйствительно ожидалось на этомъ твердомъ основаніи и за неисполненіе этой святой обязанности какой великій отвѣтъ предстоитъ для тѣхъ, которые презрѣли долгъ свой; опущенія въ дѣлѣ образованія юношества далеко превышаютъ опущенія во всехъ другихъ дѣлахъ, все исправимо, кромѣ превратнаго положенія, особенно укорененнаго въ дѣтствѣ...» И въ другой разъ въ бесѣдѣ съ учениками и ученицами директоръ развиваетъ ту же мысль, гдѣ е. что религія, страхъ Божій должны проникать въ само обученіе. Потомъ въ другихъ своихъ циркулярахъ рядомъ съ этою мыслью онъ старается уяснить сознанію учителей ту мысль, что при обученіи нужно развивать чувство любви къ монарху и отечеству; съ этою цѣлію онъ ввелъ въ женскихъ отдѣленіяхъ преподаваніе русской исторіи.

Такимъ образомъ начальникъ учебно — воспитательной ча-

сти желаетъ развить въ ученицахъ, равно какъ и ученикахъ, вѣранныхъ ему училищъ, религиозное чувство и чувство національности. Намъ кажется, что онъ угадалъ, на что нужно непосредственно дѣйствовать воспитанію при обученіи въ элементарныхъ школахъ. Эти два святыя чувства, повидимому особенно какъ-то смутны въ простолюдинахъ.

Но средства, которыя бы могли содѣйствовать осуществленію предположенной цѣли при обученіи дѣвицъ въ женскихъ отдѣленіяхъ приходскихъ училищъ, далеко не всѣ находятся въ рукахъ вѣдомства, завѣдывающаго учебно-воспитательною частью въ Пермской губерніи; напротивъ, ему всегда нужно бороться съ препятствіями, которыя грозно стоятъ противъ этой цѣли и отвратить которыя оно не въ силахъ.

Всѣхъ ученицъ въ 1853 году было 288.

Изъ нихъ дочерей дворянъ и чиновниковъ 43.

Духовнаго званія 5.

Кушцовъ и мѣщанъ 133.

Разночинцевъ и крестьянъ 107.

Черезъ два года число ученицъ почти удвоилось. Хотя какимъ образомъ численности ученицъ женскія отдѣленія приходскихъ училищахъ и превосходятъ элементарныя заведенія другихъ вѣдомствъ, даже вмѣстѣ взятая, но все же число ничтожно въ сравненіи съ народонаселеніемъ. При этомъ этого явленія кроются, кажется, именно въ тѣхъ препятствіяхъ о которыхъ мы сейчасъ упомянули.

Во-первыхъ, что касается до состава учебныхъ предметовъ входящихъ въ кругъ обученія дѣвицъ, мы не можемъ и думать, что было бы въ высшей степени полезно для нихъ обученіе пѣнію церковныхъ и народно-патріотическихъ пѣсней. Было бы излишне говорить о томъ благотворномъ дѣйствіи которое производитъ стройное пѣніе на развитіе чувствъ, гни и національности. Для правильнаго развитія дѣвицы достаточно еще, если она пройдетъ положенный учебникъ дѣло закончить: необходимо для этого распростра между ними книгъ, приспособленныхъ къ понятію ихъ воз къ будущему ихъ назначенію быть матерями, женами, х

ками. Будучи убѣжденъ въ этомъ, директоръ достигъ того, что по-крайней-мѣрѣ необходимыя книги были выписаны училищами (о молитвѣ Господней; о томъ, какъ во святой церкви надо стоять, Златоуста).

Во-вторыхъ, что касается до способовъ обученія въ женскихъ отдѣленіяхъ, то здѣсь всего болѣе чувствуется препятствій къ осуществленію показанной цѣли. Учители—безъ всякаго педагогическаго образованія и потому держатся старой колеи въ дѣлѣ обученія. Даже законоучители, отъ которыхъ бы, какъ получившихъ въ среднемъ учебномъ заведеніи образованіе, повидимому можно было надѣяться болѣе жизненности въ дѣлѣ преподаванія, далеко не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ дидактики. Часто случается, что ученикъ или ученица прочитаютъ слово въ слово изъ краткаго катихизиса и изъ краткой священной исторіи; но дайте отдѣльный какой-нибудь вопросъ, на который въ учебникъ есть отвѣтъ, и они сохраняютъ молчаніе. Такъ разъ было: ученикъ бойко сталъ читать наизусть: Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней и т. д. Экзаменаторъ, выслушавъ чтеніе, спросилъ: во сколько дней сотворилъ Богъ міръ? Ученикъ, хотя далеко небездарный, молчитъ. Намъ кажется, не мѣшало бы, для предотвращенія этого зла, всѣхъ желающихъ занимать учительскія мѣста въ элементарныхъ школахъ предварительно отдавать на извѣстный срокъ подъ руководство опытнаго учителя гимназій, чтобъ такимъ-образомъ они могли освоиться хотя съ основными началами педагогики и приѣмами дидактики. Но что всего болѣе вредитъ элементарнымъ школамъ,—это недостаточность ихъ содержанія, которая конечно не привлечетъ лучше умы на должность учителя этого рода. Къ тому же мы упомянули, что учителя приходскихъ училищъ безмездно преподаютъ въ женскихъ отдѣленіяхъ: мы какъ-то мало вѣримъ, чтобы большая часть ихъ могла добросовѣстно исполнять обязанность, за которую нѣтъ никакого вознагражденія. Это въ порядкѣ вещей. Хотя надо сказать, что въ этомъ отношеніи приходскія училища много обязаны нынѣшнему директору, по усиленному ходатайству котораго жалованье приходскихъ учителей въ 1846 году съ 80-ти рублей возвышено до 150 руб. на счетъ

обществъ, среди которыхъ существуютъ эти учрежденія; но это еще далеко не вознаграждаетъ ихъ за двойные труды. Притомъ этимъ преимуществомъ пользуются учителя только въ казенныхъ приходскихъ училищахъ; но что касается до учителей въ училищахъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ и состоящихъ также подъ вѣдомствомъ дирекціи, то содержаніе ихъ ничтожно по большей части; а главное, что унижаетъ званіе учительское и подрываетъ въ мнѣніи учениковъ авторитетъ учителя, это то, что наставники въ этихъ школахъ суть крѣпостные люди владѣльцевъ. Намъ кажется, всякому понятно, какъ неестественно, обидно такое положеніе для учителя и какъ оно должно вредить дѣлу воспитанія на началахъ религіозности и національности.

Мы отмѣтили главные только недуги, которыми страдаютъ наши приходскія училища и слѣдовательно воспитаніе дѣвицъ въ женскихъ ихъ отдѣленіяхъ. Впрочемъ и при нихъ учрежденіе женскихъ отдѣленій при элементарныхъ школахъ есть великое благодѣяніе для края: эти отдѣленія суть начатки тѣхъ женскихъ училищъ, которыя безъ сомнѣнія возникнутъ въ будущемъ и озарятъ русскую простую женщину свѣтомъ истины, разовьютъ въ душѣ ея чувства порядка и красоты и отомкнутъ въ ея сердцахъ заглохшій источникъ чистой любви; и тогда она можетъ быть, смѣло взглянетъ на людей и міръ Божій, и не будетъ раздираться сердце ея, когда сынъ ея пойдетъ на царскую службу, и запоетъ она, можетъ быть, не грустную пѣню, отъ которой какъ-то больно становится на душѣ, польется та пѣсня широко и звонко на славу людямъ русскимъ. Но когда это будетъ?

И. Оурсон

